
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 32 АВГУСТ 1974

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 32 (2457)

3 АВГУСТА 1974

МОСКВА. КРЕМЛЬ. ПЕРВАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ДЕВЯТОГО СОЗЫВА.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

24 июля 1974 года состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

На Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев.

Пленум рассмотрел вопросы первой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва и принял соответствующее постановление.

ДОВЕРИЕ ПАРТИИ, ДОВЕРИЕ НАРОДА

Два дня в Москве, в Кремле, работала первая сессия Верховного Совета СССР 9-го созыва.

25 июля состоялись раздельные заседания палат Верховного Совета СССР — Совета Национальностей и Совета Союза. Депутаты избрали Председателей палат, их заместителей, Мандатные комиссии, утвердили регламент раздельных и совместных заседаний Совета Союза и Совета Национальностей. После утверждения повестки дня были заслушаны доклады Мандатных комиссий и рассмотрены вопросы, связанные с образованием Постоянных комиссий палат.

...26 июля. 10 часов утра. В Большом Кремлевском дворце открылось совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей. Бурными, долго не смолкающими аплодисментами, стоя, участники заседания встретили товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, А. А. Гречко, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, Д. А. Кунаева, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, В. В. Щербицкого, П. Н. Демичева, П. М. Машерова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, Г. В. Романова, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

Сессия переходит к образованию руководящих органов Советского государства.

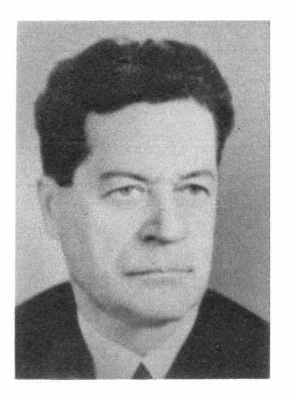
Выступая на сессии, Генеральный секретарь ЦК КПСС депутат товарищ Л. И. Брежнев отметил, что Верховный Совет СССР 8-го созыва и его Президиум, руководствуясь политикой Коммунистической партии, выражающей коренные интересы советского народа, успешно решали жизненно важные вопросы социально-экономического развития нашей страны и ее международных отношений. Совет Министров СССР, сказал товарищ Л. И. Брежнев, за истекшее время провел большую работу по выполнению задач развития народного хозяйства, вытекающих из решений XXIV съезда КПСС.

По поручению ЦК КПСС депутат товарищ Л. И. Брежнев внес на рассмотрение сессии предложения, поддержанные партийной группой Верховного Совета и Советами Старейшин палат,— вновь избрать Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарища Н. В. Подгорного и вновь назначить Председателем Совета Министров СССР товарища А. Н. Косыгина.

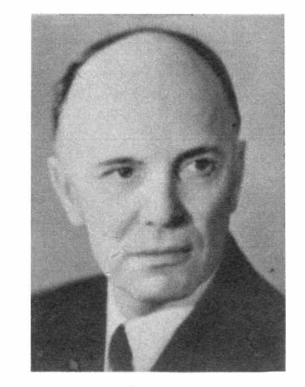
Высший орган государственной власти единогласно избрал Президиум Верховного Совета СССР и, одобрив деятельность Советского правительства, утвердил состав правительства СССР — Совет Министров СССР. В состав Президиума Верховного Совета СССР вместе с видными партийными и государственными деятелями вошли депутаты из числа рабочих, колхозников и представителей интеллигенции.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Н. В. Подгорный и Председатель Совета Министров СССР товарищ А. Н. Косыгин в выступлениях на сессии сердечно поблагодарили за высокое доверие, за оказанную честь, заверили нашу партию и народ, что Верховный Совет СССР и Советское правительство будут неуклонно осуществлять внутреннюю и внешнюю политику Коммунистической партии, настойчиво добиваться реализации стоящих перед страной задач.

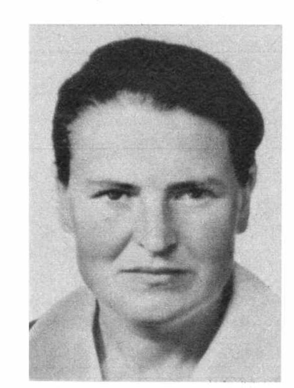
ПРЕДСЕДАТЕЛИ И ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ СОВЕТА СОЮЗА И СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

А. П. ШИТИКОВ
Председатель Совета Союза

Б. Е. ПАТОН
Заместитель Председателя Совета Союза

А. Л. ДАВИДЧИК
Заместитель Председателя Совета Союза

Г. А. АЛИЕВ
Заместитель Председателя Совета Союза

А. ДЖУМАЕВ
Заместитель Председателя Совета Союза

В. П. РУБЕН
Председатель Совета Национальностей

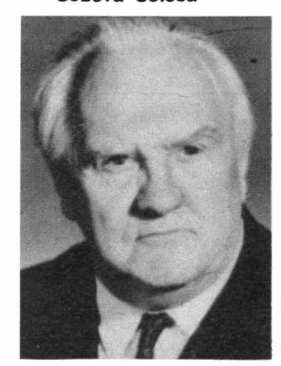
Д. ТАШПУЛАТОВА
Заместитель Председателя Совета Национальностей

С. Ш. ЖАКСЫБЕКОВ
Заместитель Председателя Совета Национальностей

Н. М. ЗАЙЧЕНКО
Заместитель Председателя Совета Национальностей

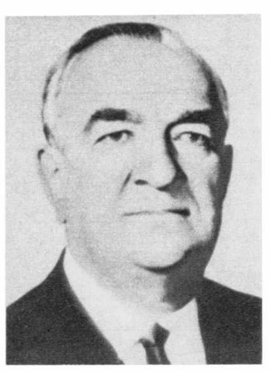

Н. С. ТИХОНОВ
Заместитель Председателя Совета Национальностей

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВ

Н. В. ПОДГОРНЫЙ. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

М. А. ЯСНОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

И. С. ГРУШЕЦКИЙ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Ф. А. СУРГАНОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Н. М. МАТЧАНОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

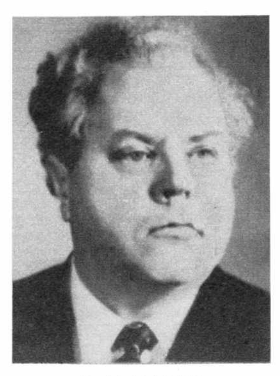
С. Б. НИЯЗБЕКОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Н. Х. АРУТЮНЯН. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

А.-М. КЛЫЧЕВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

А. П. ВАДЕР. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

М. П. ГЕОРГАДЗЕ. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР.

И. И. АРТОБОЛЕВСКИЙ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

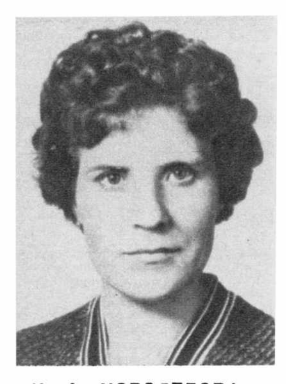
Л. И. БРЕЖНЕВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

П. М. МАШЕРОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

В. В. НИКОЛАЕВА-ТЕРЕШКОВА. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Н. А. НОВОСЕЛОВА. Член Президиума Верховного Совета СССР.

З. П. ПУХОВА. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Ш. Р. РАШИДОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Г. В. РОМАНОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

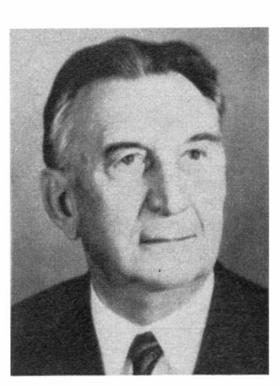
ПРАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА ССР

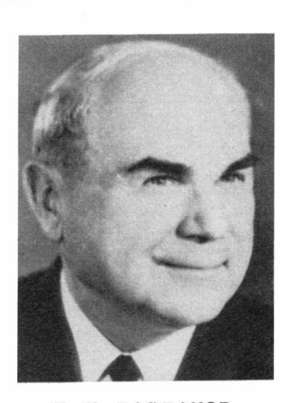
А. Н. КОСЫГИН. Председатель Совета Министров СССР.

К. Т. МАЗУРОВ. Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

И. В. АРХИПОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Н. К. БАЙБАКОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного планового комитета Совета Министров СССР.

В. Э. ДЫМШИЦ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению.

В. А. КИРИЛЛИН. Заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике.

НОГО СОВЕТА СССР

Г. С. ДЗОЦЕНИДЗЕ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

К. А. ХАЛИЛОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

М. Ю. ШУМАУСКАС. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

К. Ф. ИЛЬЯШЕНКО. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

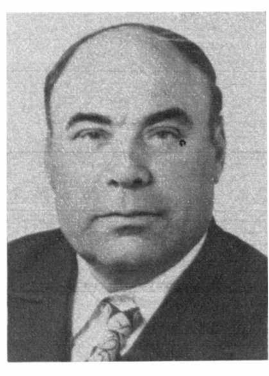
Т. КУЛАТОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

М. ХОЛОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Р. Г. ГАМЗАТОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

А. В. ГИТАЛОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

В. В. ГРИШИН. Член Президиума Верховного Совета СССР.

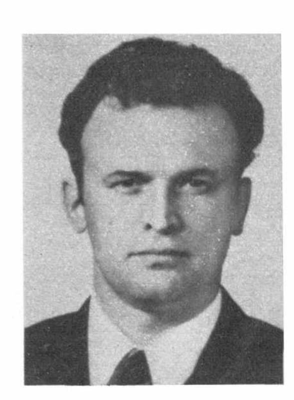
Н. А. ЗЛОБИН. Член Президиума Верховного Совета СССР.

В. И. КОНОТОП. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Д. А. КУНАЕВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Г. Н. СМИРНОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Ф. А. ТАБЕЕВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

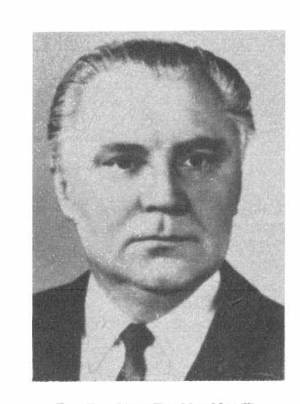
Л. Г. ТЫНЕЛЬ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

С. С. ЦЕЦЕГОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

М. З. ШАКИРОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

В. В. ЩЕРБИЦКИЙ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

— СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

М. А. ЛЕСЕЧКО. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

В. Н. НОВИКОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

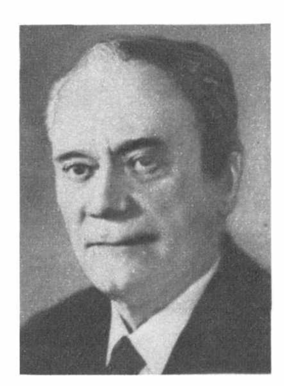
И. Т. НОВИКОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по делам строительства.

З. Н. НУРИЕВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

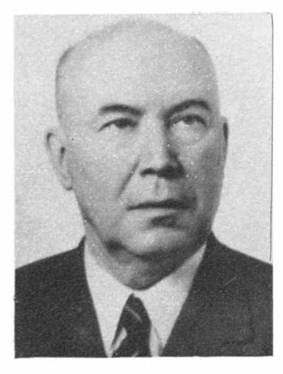

Л. В. СМИРНОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

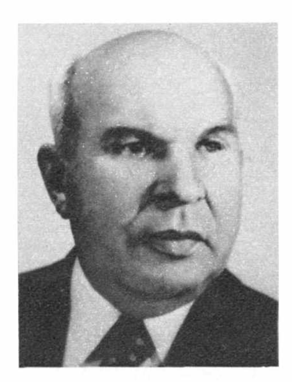

Н. А. ТИХОНОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

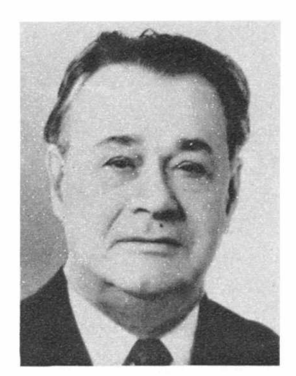
ПРАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА ССР

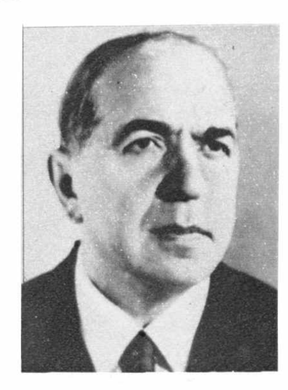
П. В. ДЕМЕНТЬЕВ.
Министр
авиационной
промышленности
СССР.

А. М. ТАРАСОВ.
Министр
автомобильной
промышленности
СССР.

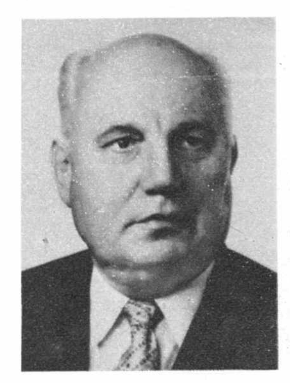
Н. С. ПАТОЛИЧЕВ.
Министр
внешней
торговли
СССР.

С. А. ОРУДЖЕВ.
Министр
газовой
промышленности
СССР.

Б. П. БУГАЕВ.
Министр
гражданской
авиации
СССР.

В. В. БАХИРЕВ.
Министр
машиностроения
СССР.

С. А. АФАНАСЬЕВ.
Министр
общего
машиностроения
СССР.

К. Н. РУДНЕВ.
Министр
приборостроения,
средств автоматизации
и систем управления
СССР.

Э. К. ПЕРВЫШИН.
Министр
промышленности
средств связи
СССР.

Б. П. БЕЩЕВ.
Министр
путей
сообщения
СССР.

П. С. ПЛЕШАКОВ.
Министр
радиопромышленности
СССР.

Е. П. СЛАВСКИЙ.
Министр
среднего
машиностроения
СССР.

В. Ф. ЖИГАЛИН.
Министр тяжелого,
энергетического
и транспортного
машиностроения
СССР.

К. И. БРЕХОВ.
Министр
химического
и нефтяного
машиностроения
СССР.

Л. А. КОСТАНДОВ.
Министр
химической
промышленности
СССР.

К. И. ГАЛАНШИН.
Министр
целлюлозно-бумажной
промышленности
СССР.

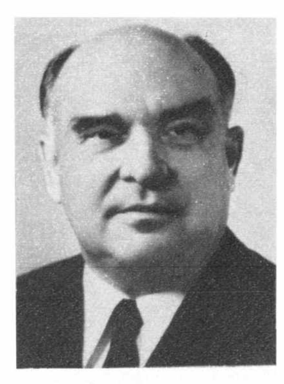
А. И. ШОКИН.
Министр
электронной
промышленности
СССР.

А. К. АНТОНОВ.
Министр
электротехнической
промышленности
СССР.

Е. А. ФУРЦЕВА.
Министр
культуры
СССР.

Н. Н. ТАРАСОВ.
Министр
легкой
промышленности
СССР.

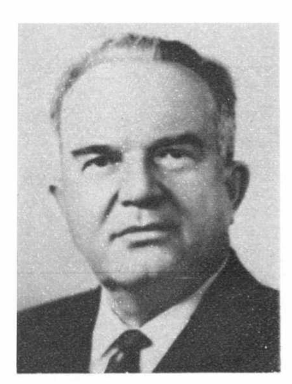
Н. В. ТИМОФЕЕВ.
Министр
лесной
и деревообрабатываю-
щей промышленности
СССР.

Е. Е. АЛЕКСЕЕВСКИЙ.
Министр
мелиорации
и водного
хозяйства СССР.

Ф. Б. ЯКУБОВСКИЙ.
Министр
монтажных
и специальных
строительных работ
СССР.

С. Ф. АНТОНОВ.
Министр
мясной
и молочной
промышленности
СССР.

— СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

К. Н. БЕЛЯК. Министр машиностроения для животноводства и кормопроизводства СССР.

В. Н. ДОЕНИН. Министр машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов СССР.

П. В. ГУСЕНКОВ. Министр медицинской промышленности СССР.

Т. Б. ГУЖЕНКО. Министр морского флота СССР.

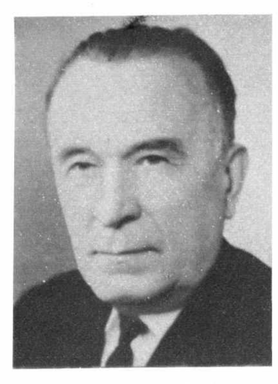
В. Д. ШАШИН. Министр нефтяной промышленности СССР.

С. А. ЗВЕРЕВ. Министр оборонной промышленности СССР.

А. И. КОСТОУСОВ. Министр станкостроительной и инструментальной промышленности СССР.

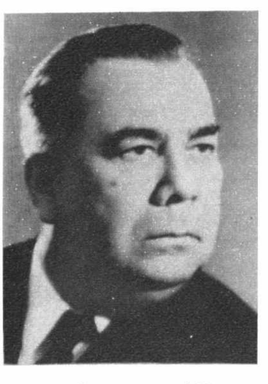
Е. С. НОВОСЕЛОВ. Министр строительного, дорожного и коммунального машиностроения СССР.

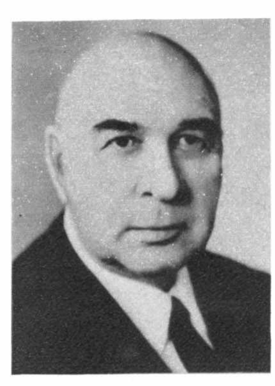
Б. Е. ЩЕРБИНА. Министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР.

Б. Е. БУТОМА. Министр судостроительной промышленности СССР.

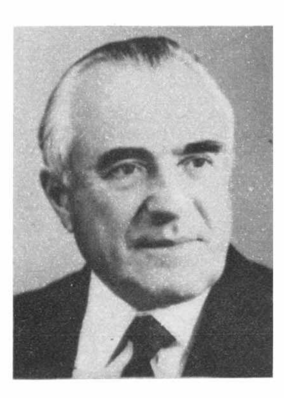
И. Ф. СИНИЦЫН. Министр тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР.

Е. Ф. КОЖЕВНИКОВ. Министр транспортного строительства СССР.

Н. А. ЩЕЛОКОВ. Министр внутренних дел СССР.

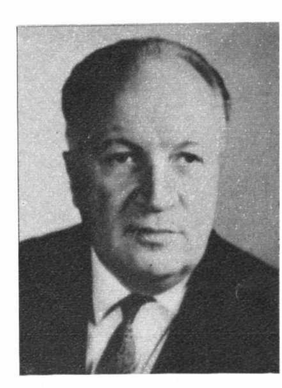
В. П. ЕЛЮТИН. Министр высшего и среднего специального образования СССР.

А. В. СИДОРЕНКО. Министр геологии СССР.

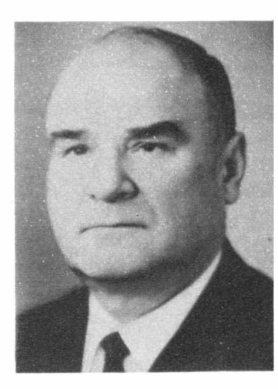
Г. С. ЗОЛОТУХИН. Министр заготовок СССР.

Б. В. ПЕТРОВСКИЙ. Министр здравоохранения СССР.

А. А. ГРОМЫКО. Министр иностранных дел СССР.

В. С. ФЕДОРОВ. Министр нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР.

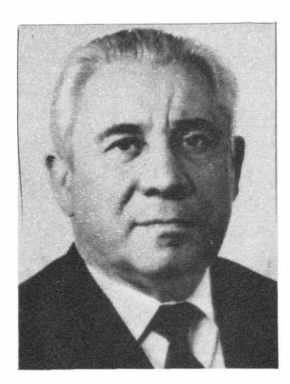
А. А. ГРЕЧКО. Министр обороны СССР.

В. П. ЛЕИН. Министр пищевой промышленности СССР.

А. М. ТОКАРЕВ. Министр промышленного строительства СССР.

И. А. ГРИШМАНОВ. Министр промышленности строительных материалов СССР.

М. А. ПРОКОФЬЕВ. Министр просвещения СССР.

ПРАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА ССР

А. А. ИШКОВ.
Министр
рыбного
хозяйства
СССР.

Н. Д. ПСУРЦЕВ.
Министр
связи
СССР.

С. Д. ХИТРОВ.
Министр
сельского
строительства
СССР.

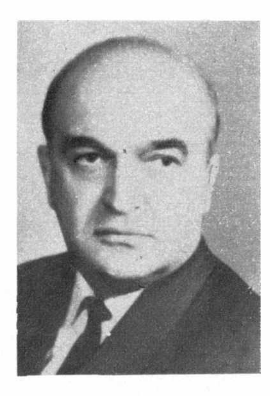
Д. С. ПОЛЯНСКИЙ.
Министр
сельского
хозяйства
СССР.

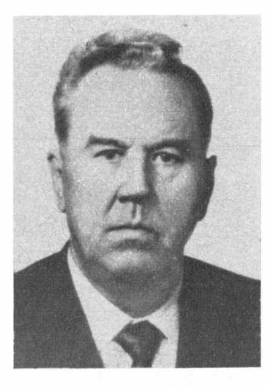
Г. А. КАРАВАЕВ.
Министр
строительства
СССР.

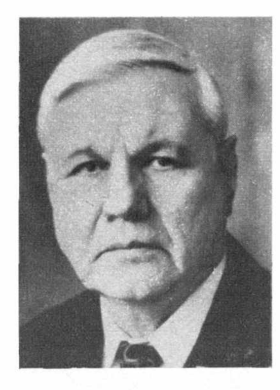
Н. В. ГОЛДИН.
Министр
строительства
предприятий тяжелой
индустрии
СССР.

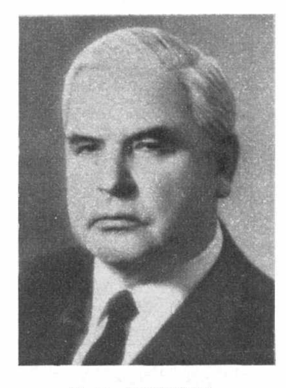
В. И. ТЕРЕБИЛОВ.
Министр
юстиции
СССР.

А. М. ШКОЛЬНИКОВ.
Председатель
Комитета
народного контроля
СССР.

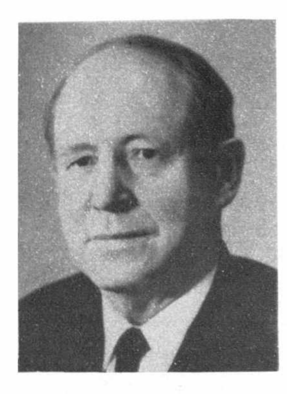
Ю. Е. МАКСАРЕВ.
Председатель Государственного комитета
Совета Министров
СССР
по делам изобретений
и открытий.

В. В. БОЙЦОВ.
Председатель
Государственного
комитета стандартов
Совета Министров
СССР.

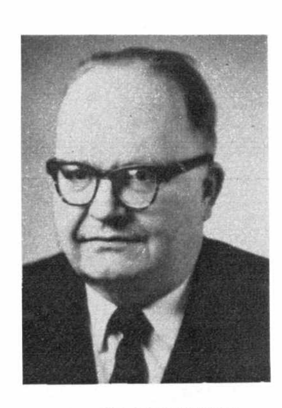
А. А. БУЛГАКОВ.
Председатель Государственного комитета
Совета Министров
СССР
по профессионально-техническому образованию.

С. Г. ЛАПИН.
Председатель Государственного комитета
Совета Министров
СССР
по телевидению
и радиовещанию.

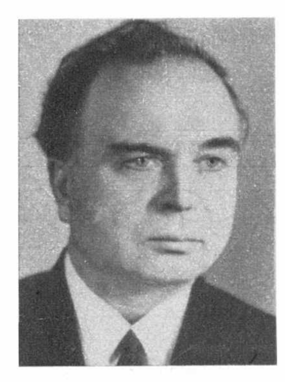
М. Н. СВЕШНИКОВ.
Председатель
правления
Государственного
банка СССР.

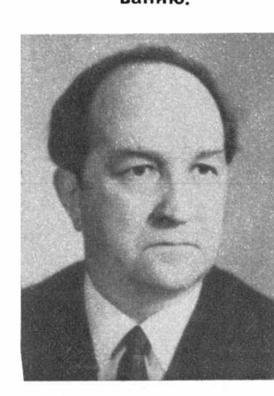
В. Н. СТАРОВСКИЙ.
Начальник
Центрального
статистического
управления
при Совете Министров
СССР.

М. С. СОЛОМЕНЦЕВ.
Председатель
Совета
Министров
РСФСР.

А. П. ЛЯШКО.
Председатель
Совета Министров
Украинской ССР.

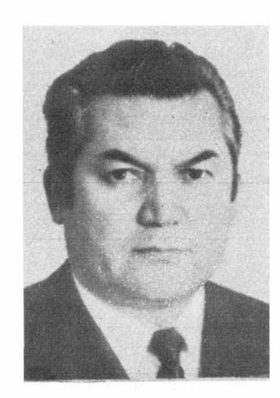
Т. Я. КИСЕЛЕВ.
Председатель
Совета Министров
Белорусской ССР.

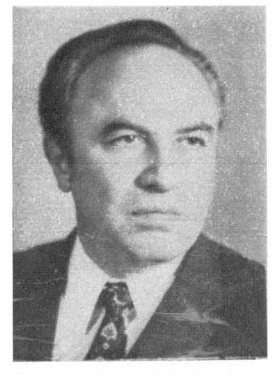
Н. Д. ХУДАЙБЕРДЫЕВ.
Председатель
Совета Министров
Узбекской ССР.

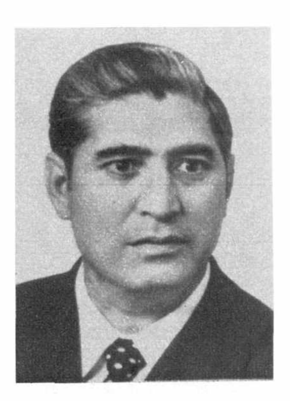
А. С. СУЮМБАЕВ.
Председатель
Совета Министров
Киргизской ССР.

Р. НАБИЕВ.
Председатель
Совета Министров
Таджикской ССР.

Г. А. АРЗУМАНЯН.
Председатель
Совета Министров
Армянской ССР.

О. Н. ОРАЗМУХАМЕДОВ.
Председатель
Совета Министров
Туркменской ССР.

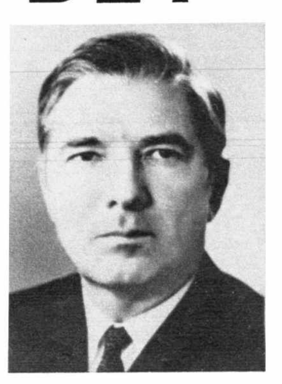

В. И. КЛАУСОН.
Председатель
Совета Министров
Эстонской ССР.

— СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

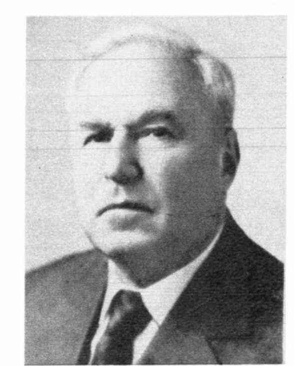
А. И. СТРУЕВ. Министр торговли СССР.

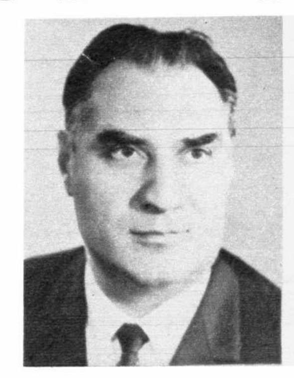
Б. Ф. БРАТЧЕНКО. Министр угольной промышленности СССР.

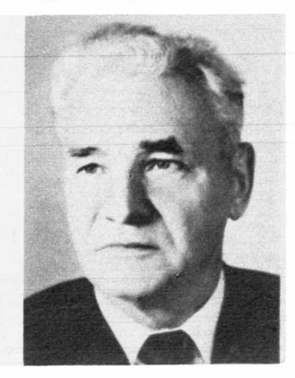
В. Ф. ГАРБУЗОВ. Министр финансов СССР.

П. Ф. ЛОМАКО. Министр цветной металлургии СССР.

И. П. КАЗАНЕЦ. Министр черной металлургии СССР.

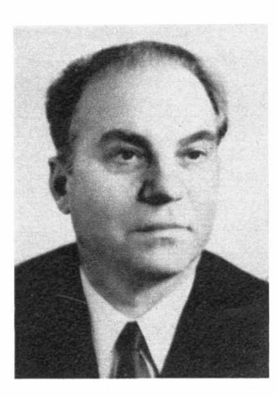
П. С. НЕПОРОЖНИЙ. Министр энергетики и электрификации СССР.

Ф. Т. ЕРМАШ. Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по кинематографии.

Б. И. СТУКАЛИН. Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Г. И. ВОРОБЬЕВ. Председатель Государственного комитета лесного хозяйства Совета Министров СССР.

С. А. СКАЧКОВ. Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям.

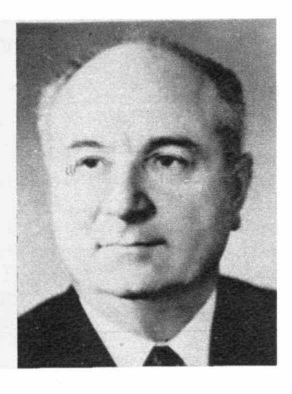
Ю. В. АНДРОПОВ. Председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР.

А. А. ЕЖЕВСКИЙ. Председатель Всесоюзного объединения «Союзсельхозтехника» Совета Министров СССР.

Б. А. АШИМОВ. Председатель Совета Министров Казахской ССР.

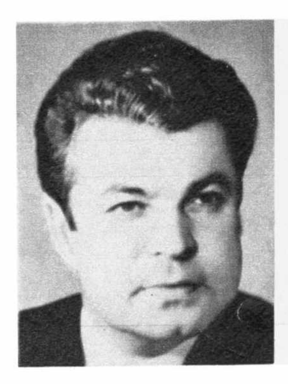
Г. Д. ДЖАВАХИШВИЛИ. Председатель Совета Министров Грузинской ССР.

А. И. ИБРАГИМОВ. Председатель Совета Министров Азербайджанской ССР.

И. А. МАНЮШИС. Председатель Совета Министров Литовской ССР.

П. А. ПАСКАРЬ. Председатель Совета Министров Молдавской ССР.

Ю. Я. РУБЭН. Председатель Совета Министров Латвийской ССР.

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С Ж. МАРШЕ

27 июля с. г. в ЦК КПСС состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем Французской компартии Ж. Марше, находящимся в Советском Союзе на отдыхе.

В ходе беседы состоялся обмен мнениями и взаимной информацией по вопросам, касающимся актуальных проблем международного положения, деятельности обеих партий и мирового коммунистического движения.

КПСС и ФКП вновь подтвердили свою неизменную солидарность с народом Чили, с демократами Испании, Греции и Уругвая и других стран, борющихся против фашистских, диктаторских режимов. Они выразили горячую поддержку справедливой борьбе кипрского народа за независимость и свободу своей страны.

Было подтверждено обоюдное желание и впредь расширять братские дружеские связи и сотрудничество, существующие между Французской коммунистической партией и Коммунистической партией Советского Союза.

Во время беседы.

Фото В. Соболева и В. Христофорова.

Юрий КОРОЛЕВ,
секретарь правления Союза художников СССР

РОДНИКИ ТАЛАНТОВ

Семьдесят восемь дипломов Академии художеств, двадцать дипломов Союза художников СССР, многочисленные награды и премии ВЦСПС и Министерства культуры СССР, 250 дипломов выставочного комитета — таков итог всесоюзной выставки произведений самодеятельных художников «Слава труду», которая состоялась в Центральном выставочном зале столицы. Три тысячи картин, скульптур, графических листов никому не известных авторов вызвали не только интерес или снисходительное любопытство, нет, победили, завоевали сердца, прозвучали широкой напевной мелодией, в которой и радость жизни, и счастье творчества, и красота мира — родного, близкого, каждый день нового и прекрасного. В этой светлой, могучей симфонии народного искусства чеканные ритмы бытовых сюжетов Грузии перекликаются с трогательными сценками литовских мастеров; яркие, сочные натюрморты молдаван — с эпическим сказом о Латгалии латышских художников; пейзажи Белоруссии, трепетные, прозрачные,— со страстной силой полотен, созданных узбекскими живописцами во славу революции, труда, человека. Многие произведения из помещения Манежа уйдут в музеи, украсят дома отдыха, санатории, дворцы культуры.

В этой щедрости награждений признание самобытности, таланта, мастерства, ибо многие вещи сделаны превосходно.

Профессиональный художник, приступая к созданию очередной вещи, долго соизмеряет замысел и живописные возможности будущего произведения, ставит перед собой какие-то конкретные, каждый раз новые задачи. Любитель же пытается в одной картине или скульптуре выразить всего себя, все владеющее им представление о мире, природе, человеке.

Мать-героиня из Калмыкии П. Емчигирова, учительница, человек заслуженный, несколько лет назад почти случайно попала на семинар, организованный Заочным народным университетом искусств имени Н. К. Крупской. Здесь она впервые взяла в руки кисть и нарисовала себя в национальном костюме. Это была поразительная для человека, незнакомого с секретами живописи, композиции, рисунка, вещь. И вот сейчас другая работа: как бы с высоты птичьего полета видна земля Калмыкии, юноши, пасущие табуны далеко в степи, мальчишки и девчонки, занятые своими делами, играми,— ее дети. А на переднем плане крупно, монументально лицо матери — умное, доброе, одухотворенное.

Художники-любители изображают то, что ближе всего им самим: сценки окружающей жизни, праздники, отдых, природу и, конечно, труд. Как правило, это самые любимые, выстраданные, очень личные мотивы. Потому-то в них так много жизненной правды, своеобразного видения обычных вещей и явлений.

Преподаватель из Уфы Р. Нигматуллин написал старую женщину, простую, скромно сидящую, сложив руки, под фотографией, где изображена красивая, молодая, решительная женщина, чем-то отдаленно напоминающая эту — седую, в морщинах, со строгими светлыми глазами. «Прожитая жизнь» — назвал автор свое полотно. В нем все: и радости, и беды, и трудная судьба, и мудрость, пришедшая с годами. Неброский своей живописью, малый по размеру холст, но как убедителен он и впечатляющ, как проницателен, взволнован автор и в то же время сдержан.

Когда художник приезжает на завод, для него все внове, все удивляет, поражает, хочется написать самое эффектное, то, что сразу бросается в глаза. Иначе у любителей. В полотне А. Борисова «Краскотеры» обычный, неприукрашенный цех и сочная, разноцветная краска в ведрах, так гармонично перекликающаяся с яркими пятнами косынок работниц. На такой будничный мотив профессиональный художник, может быть, и не обратит внимание, однако как он человечен, декоративен, дерзок своим живописным обобщением.

Рабочие, колхозники пишут своих товарищей, создают автопортреты. И возникает правдивый, поэтичный образ трудового человека наших дней, кровно связанного со своим Отечеством, своим делом, человека большой нравственной силы, интеллигентного, увлеченного.

Картины Я. Калниньша, бригадира из латвийского города Елгава, посвящены жизни и труду рыбаков. И называются они «Готовы к рейсу», «Скоро начало» (лова). Удивительна по настроению центральная часть его триптиха — «Возвращение», когда земля словно раскрывает объятия, принимая вернувшихся из плавания моряков. Теплый сиреневый вечер опустился над бухтой, образованной двумя почти замкнутыми песчаными грядами. Над всем царит тишина, покой берега, который часто снится морякам вдали от дома, в море.

В работах Калниньша интересно сочетаются современные живописные искания с народным искусством лубка. Для всей выставки характерна эта живая связь с национальной изобразительной традицией. Особенно она ощутима в талантливых работах А. Аладашвили из Тбилиси, М. Бичюнене из Вильнюса и многих других.

Издавна живет в народе чувство красоты, умение увидеть ее и изобразить, чтобы любовались окружающие. Как тут не припомнить городецкие росписи, украинские народные рисунки «малевки», деревянную пластику прибалтийских мастеров, кавказскую чеканку. Можно вспомнить также гениального самородка Нико Пиросмани или талантливого ненецкого художника Константина Панкова, погибшего в годы Великой Отечественной войны; его акварели, удивительные по свежести, непохожести, получили в 1937 году золотую медаль «Гран При» на Всемирной выставке в Париже. Волнующим памятником стал уникальный мемориал в Аблинге. Ансамбль скульптур из дерева, сделанных народными мастерами,— своеобразный реквием, возникший на месте стертой с лица земли фашистскими извергами литовской деревни.

На территории завода ВЭФ в Риге, рядом с Доской почета передовиков производства, установлен чеканный рельеф с изображением Ленина. Его создали участники народной скульптурной студии Дворца культуры этого прославленного предприятия — экономист А. Сакса-Фишере, шлифовщик Л. Нейландс, чеканщик К. Сейсумс, вдохновенно воплотившие образ вождя мирового пролетариата. Строгий, проницательный ленинский взгляд, напряженный поворот головы, сосредоточенное внимание и глаза, проникающие в душу,— еще один портрет Владимира Ильича, кованный из меди, который те же авторы показали на выставке в Москве.

Работы графиков, объединенных в народной студии Дворца культуры железнодорожников Владивостока, попали в Манеж из Брюсселя, где они с успехом экспонировались. Многие произведения советских художников-любителей по достоинству оценили зрители Чехословакии, Бельгии, Японии, Австрии. И в этом успехе, конечно, огромная заслуга руководителей студий, клубов, заочных факультетов изобразительного искусства. Не случайно фотографии этих людей, истинных энтузиастов, предваряют стенды, на которых выставлены произведения их учеников. В каждом удачном полотне, литографии, скульптуре — воля, нервы, педагогический дар и такт, состоящий в том, чтобы выявить индивидуальность каждого и помочь раскрыться полно, необычно в те немногие часы, что остаются у любителей для занятий искусством. Свободное время, субботу и воскресенье, дни отпуска проводят они за домашними мольбертами, размышляя над выбранной композицией, или с этюдником в руках, часто самодельным, бродят по любимым местам, стремясь в знакомом, подчас скромном мотиве выразить волнующие чувства родной земли, показать дорогого и близкого человека, в чертах которого дух нашего времени, как, например, в «Портрете С. Санникова» работы молодого художника-слесаря Л. Гоманюка из города Волжский или в произведении А. Бакирова из Андижана, написавшего портрет Героя Социалистического Труда Курбанова.

Пожалуй, больше всего поражают на выставке даже не отдельные произведения, а общее впечатление глубинного народного оптимизма, увлеченности жизнью, непосредственное, острое и яркое видение мира, тонкое, проникновенное восприятие окружающего.

Известен парадокс: человек с более развитым чувством красоты лучше решает теоретические задачи по физике, удачнее проектирует дом и создает новые приборы, машины. Словом, способнее выполняет любое дело, чем бы он ни занимался в жизни. В этом, наверное, самый большой смысл искусства и работы каждого самодеятельного художника.

Манеж объединил 1 600 участников разных профессий: монтажников, шоферов, агрономов, врачей, сталеваров, механизаторов, ученых, артистов — людей, не сходных по возрасту, по своим привязанностям, вкусу, жизненному опыту. Цифра немалая, но и она меркнет перед другими: 200 тысяч любителей показали 270 тысяч работ на конкурсах, предшествовавших этой экспозиции. Такой массовый интерес к изобразительному искусству, не очень-то простому и доступному по своим техническим приемам,— это ли не свидетельство высокой художественной культуры народа, его колоссальных творческих возможностей!

Л. Гоманюк, рабочий (Волжский). ПОРТРЕТ С. САННИКОВА.

Всесоюзная выставка произведений самодеятельных художников «Слава труду».

В. Лобанов, конструктор (Москва). КРАСНЫЙ ЗАВОД. Всесоюзная выставка произведений самодеятельных художников «Слава труду».

БОЛЬШОЙ ФЕСТИВАЛЬ В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДЕ

Н. ТОЛЧЕНОВА

Необычно начинается этот фестиваль. Поздним вечером под открытым звездным небом вспыхивают костры на площадях города и на самой вершине покрытой густым лесом, знаменитой горы Космай... Возле величественного памятника, который взметнул ввысь огромные каменные языки навечно зажженного партизанского костра, гости фестиваля и его участники вместе с народом Югославии чествуют героев, боровшихся здесь, на этой земле, против фашистских захватчиков. Один из центров партизанского движения возник летом 1941 года и в горах Космая. В память борцов, отдавших жизнь за свободу и революцию, и был организован фестиваль в Сопоте, близ Белграда, так он сложился и так был задуман его инициаторами. Среди них прежде всего назову директора фестиваля молодого способного кинорежиссера коммуниста Драгована Ивановича.

— Вернее,— вспоминает Драгован,— это был тот побудительный толчок, тот импульс, который привел постепенно в действие всю нашу теперешнюю работу, дал ей ощутимые и зримые формы. И я уверен, сама идея вызовет к жизни еще и многие другие интересные начинания, связанные с нравственным содержанием фестиваля, с его девизом.

Девиз фестиваля — «Свобода и Революция» — привлек к себе симпатии передовых людей и в стране, и за рубежом.

Первый кинофестиваль в Сопоте состоялся два года назад. Нынешним летом прошел Третий международный конкурс, имеющий уже довольно широкое представительство. Кроме картин, присланных из стран социалистического содружества, в программе участвовали фильмы производства США, Англии, Франции, Японии, Греции, Италии...

Все это, как везде, как на всяком большом фестивале. Но тут и еще одна особенность. Отбором картин для показа, как и присуждением главного приза — статуэтки «Свобода»,— ведает, кроме директора, вернее, вместе с директором, не жюри, а специально созданный Совет фестиваля. Это общественный орган с весьма широкими полномочиями; в его работе непременно принимает участие Рече Народных Героев — бывшие партизаны, борцы за свободу. Их здесь знают в лицо, любят и уважают, они окружены почетом. Слово, ими сказанное «за» или «против», обычно имеет решающее значение...

— У нас на фестивале нет никакого ажиотажа,— продолжает размышлять вслух директор фестиваля Драгован Иванович. И он прав. Ажиотажа нет. Отсутствует та атмосфера предельно накаленных страстей, когда все интересы участников порою нескрываемо сводятся к призовой борьбе. В Сопоте же возникает совсем другая обстановка, другие отношения...

В просторном, красивом Доме культуры каждый день, пока шли просмотры, толпилось множество нарядных, оживленных зрителей. Вечерами, как всюду, это была молодежь и люди взрослые, по утрам — ребятишки. Да, да, не удивляйтесь. Детей на просмотры не только пускали, но даже приглашали, ибо в программу работы входит обязательный показ детских и юношеских фильмов.

Вместе с детьми я смотрела по утрам картины, воспитывающие доброту, гордость и благородство, рассказывающие о верности и дружбе, взаимовыручке. Таковы «Продавщица цветов» (КНДР), «Лица ангелов» (Польша), «Переживания бабушки» (Румыния), «Дружина Черного Пера» (ЧССР), «Юнга Северного флота» (СССР), где приключения юных героев и их переживания, их самоотверженность и находчивость немедленно награждались возгласами восторга, радостными аплодисментами. Либо же в зале воцарялась мертвая тишина. Это означало, что герою пришлось туго и неизвестно еще, чем дело кончится...

Впрочем, реакция взрослых жителей Сопота на вечерних просмотрах немногим отличалась от утренников, ибо фестиваль и впрямь радовал людей, оказавшись праздником высокой мысли, большой идеи.

Особенным успехом пользовались у публики американский фильм «Молниеносное восстание», чехословацкий «Трофей неизвестного стрелка», венгерский «Третья попытка»... А мне, пожалуй, больше других запомнилась сербская картина «Памятник», с мягкой, западающей в душу лирической интонацией вспоминающая о югославских воинах, погибших во время войны на земле Норвегии.

Приз фестиваля — статуэтка «Свобода» — нынешним летом присужден сразу двум фильмам: «В бой идут только старики» (СССР, студия имени Довженко, режиссер-постановщик и исполнитель главной роли Леонид Быков) и «Майор Куболь» (Польша).

Вечера после фестивальных просмотров становились в Сопоте именно Вечерами Дружбы... Главной, сплачивающей их силой были и все добровольные помощники Драгована, его актив, а также и его опора — народные герои, люди с поистине легендарными биографиями.

Я попросила одного из членов Совета фестиваля, Пашко Ромаца, рассказать о себе. Он согласился, но предупредил:

— Все рассказать нельзя! Это и длинно и нелегко... Расскажу один только эпизод,— как мы, коммунисты, бежали с каторги. Я был осужден на $8^1/_2$ лет за принадлежность к коммунистической партии. Среди нас в Сремске-Митровице были люди, приговоренные и к 15 и к 20 годам... Решили копать подземный ход: иначе не выбраться!.. Начали мы делать подкоп в июле 1941 года, а закончили к 15 августа. Удалось установить связь с парторганизацией города Сремска-Митровица — без их помощи мы бы погибли. Они нам ответили, что пришлют связного: он поднимет шапку на шесте, когда нам можно будет выбираться на волю... Нельзя было медлить ни минуты... Мы поползли к выходу на коленях, и вдруг я услышал крик: «Все в порядке!..» Мы выкарабкались из подземелья и очутились на свободе. Секретарь подпольного комитета партии всех пересчитал: нас было 32 человека. Я сказал, что умею стрелять, и тут же получил ружье. Это был мой самый счастливый день после каторги; тогда же я стал партизаном, стал воевать за нашу и вашу свободу...

Пашко Ромац не выглядит ни стариком, ни даже пожилым человеком. У него быстрые, веселые глаза и такие же быстрые, живые движения. Он зачинщик многих мероприятий фестиваля. В частности, это он предложил показывать конкурсные фильмы в селах и на близлежащих городских предприятиях.

Дирекция фестиваля приобрела пять кинопередвижек,— в дни просмотров они работали с полной нагрузкой, а больше всего доставалось, пожалуй, переводчикам... Кира Богданович, переводившая на сербский язык «Стариков», была прямо-таки нарасхват до самых последних минут работы фестиваля!..

Но что значит «последние» минуты?.. Они становятся последними только для тех, кто приятно побыл в гостях и вот теперь уезжает отсюда с хорошим настроением. А для тех, кто остается в Сопоте, работа продолжается.

— Мы будем продолжать дело фестиваля, крепить его будущее! — говорит Драгован; в его словах нет пафоса, наигранности: он просто констатирует то, что есть.

— Вы лично связываете свою судьбу с фестивалем навсегда? — спрашиваю я.

Директор долго молчит.

— Я начал фестиваль. Я его задумал. И, конечно, я счастлив, что мечта сбылась... В крепкий кулак собираются теперь многие фильмы, воюющие за свободу, гуманизм, счастье человека на земле... Это очень нужно людям! Слишком много появляется сегодня грязных, мерзких фильмов, унижающих самое искусство кино, развращающих зрителя, отвращающих молодежь от жизни... Но буду ли я сам директорствовать постоянно?.. Вряд ли! Я, разумеется, буду членом Совета фестиваля. Но мне ведь надо делать фильмы,— это моя главная задача как художника, как кинематографиста...

Фильмы Драгована Ивановича я видела. И должна сказать, что это хорошие фильмы, имеющие свой почерк, свое лицо. «Против Кинга» — добрая, ясная и умная детская картина. А «Девушка с Космая» идет и в Советском Союзе. Это картина о борьбе партизан Югославии за свободу.

Главную роль в «Девушке с Космая» играет Людмила Лисина — белокурая молодая женщина. На ее красивом, выразительном лице, как в зеркале, отражаются волнения героини, пережитые ею страхи и горести, так же как обретенные ею духовные ценности — мужество и выдержка... В финале героиня остается жива, и, наверное, Драгован будет делать о ней новый фильм: продолжение партизанской, а потом и мирной ее истории.

— Та же актриса будет у вас сниматься? — спрашиваю я.— Она уже дала согласие?

Драгован улыбается, берет со стола телеграмму и читает кусочек текста вслух: «Фестиваль и ты в нашем сердце...» Потом поясняет:

— Это и есть Людмила, моя жена. Она в Одессе с Игорем, отдыхает на море у своей мамы. Игорю уже восемь лет. А Людмила русская...

Мне остается только пожелать счастья этим творчески одаренным людям — Людмиле и Драговану, а также и сыну их Игорю... Думая о нем, директор фестиваля в Сопоте намерен еще больше расширять детскую и юношескую часть фестивальной программы.

— Дети мира очень мало получают от нас, кинематографистов! В неоплатном долгу мы перед нашими ребятами,— восклицает обычно сдержанный Драгован.— Имеем только считанные фильмы. Как это лучше по-русски сказать: раз, два — и обчелся!

По-русски Драгован говорит хорошо. Он дружит со многими русскими кинематографистами, смотрит их фильмы. В прошлом году на его фестивале с успехом прошел «День Чухрая»,— это тоже было выдумкой Драгована.

— О, в запасе у меня еще много разных выдумок,— смеется директор.— Я бы хотел, чтобы фестиваль шел в Сопоте целый месяц, а может быть, даже и дольше!.. Чтобы участвовали не только фильмы, но и театр, музыка, литература, поэзия... На вечерах «Партизанские костры» выступали бы художники, представители всех искусств, но обязательно одного — прогрессивного — направления, несущего людям мир и добро.

Принципиальное новаторство, кажется, в самой природе этого неутомимого человека. А поддерживают его в стране люди весьма серьезные. Я говорила с одним из них. Это Драгослав Маркович — председатель Президиума Социалистической Республики Сербии.

Он охотно поделился со мной своими соображениями о будущем кинофестиваля в Сопоте.

— Может быть, я буду несколько субъективен в нашей беседе, потому что фестиваль проводится в моем родном краю,— сказал Драгослав Маркович.— Но фестиваль мне действительно глубоко небезразличен. Я здесь работал и партизанил во время войны, а после войны был на партийной работе. Но давайте отбросим субъективный элемент и вообще личные пристрастия. И все равно должны будем признать, что, несмотря на многие трудности, фестиваль является одним из самых свободолюбивых и гуманных наших мероприятий! Творческая же его программа уже сейчас помогает коммунистическому воспитанию масс, прогрессивной ориентировке молодежи, подрастающего поколения. Фильмы, отбираемые для показа, противостоят фальшивому, а порой и грязному «новаторству». Так разве этого мало?! Даже если работа будет просто продолжена в том же духе, ее следует оценить весьма высоко.

Я спросила, останется ли в дальнейшем фестиваль здесь, в Сопоте.

— Только здесь! — был энергичный ответ.— Мы хотим в будущем построить большой амфитеатр на две-три тысячи мест. Конечно, это потребует времени и средств. Но такой именно план развития мы имели в виду, когда фестиваль начинал работу. Сейчас эти планы представляются гораздо более реальными.

Мы закончили нашу беседу и снова пошли в просмотровый зал. И вовремя. Свет в зале уже погас, а на экране под начальные звуки «Интернационала» ярко вспыхнуло алое знамя... Оно развевалось и трепетало на фоне зеленой горы Космай...

После этой обязательной фестивальной заставки на экране пошел очередной фильм...

ПОРА СЕНОКОСА

Анатолий СОФРОНОВ
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Вот и снова пришла летняя пора, пора налива хлебов, пора сенокоса. Еще в феврале этого года, когда мы вместе с Анатолием Калининым по приглашению Шолоховых были в кругу их семьи и старых, добрых друзей на золотой свадьбе Марии Петровны и Михаила Александровича, Шолохов сказал нам: «Приезжайте, как будет вам удобно».

Немного отодвинулась в этом году поездка в Вешенскую: Михаил Александрович с семьей выезжал в Швецию и Финляндию, да и у нас были свои неотложные дела. Как будто поездка в Вешенскую должна была быть обычной, как и в прошлые два лета, но в то же время и необычной. 24 мая этого года Михаилу Александровичу исполнилось 69 лет, и уже меньше чем через год мы все отпразднуем его семидесятилетие. Шолохов очень не любит всяческие пышные и громкие эпитеты, усматривая в них какую-то нескромность по отношению к нему. Однажды, когда за столом кто-то произнес слово «великий», он поморщился и все же, чтобы по вечной своей тактичности не обидеть говорившего, пошутил: «Ну, снизьте немного... На выдающегося я еще могу согласиться...» Представляю, как будет трудно тем, кому предстоит писать статьи в газеты и журналы к 70-летию Михаила Александровича!

...Из Ростова я позвонил в Вешенскую. К телефону подошел Шолохов.

— Мы собираемся с Калининым, Михаил Александрович..

— Давайте... Как закончишь свои дела, приезжайте.

— Надо посоветоваться о художнике и о других вопросах по собранию сочинений.

— Приедешь — обо всем договоримся.

Калинин не смог выехать из своего хутора Пухляковского тотчас же, у него были ранее назначенные встречи с читателями. Я воспользовался этой возможностью и отправился в город Цимлянск. Трудно привыкнуть к новому названию Цимлы, станицы Цимлянской, в которой я бывал много раз и до войны и после нее. Поехал в Цимлу и не пожалел — встретился со старыми друзьями, а главное — снова увидел Цимлянское море, виноградники и сады... В колхозе имени Ленина снова побывал в животноводческой бригаде Клары Федоровны Ковалевой. Вместе с председателем колхоза Валентином Ковериным полюбовался нынешним механизированным сенокосом. Все другое сейчас. Никто косами для всего хозяйства сено не убирает, не хватит рук в колхозе. «Коси, коса, пока роса» — только в песнях да стихах, но трава, люцерна та же. Тот же дурманный, медовый запах, та же непередаваемая стойкая свежесть кружит голову... В эти дни перепадали дожди. А когда возвращались мы в Ростов, то видели вдоль дороги примятые ветром и даже прибитые градом густозеленые всходы.

Анатолий Калинин предпочел отправиться из Пухляковки в Вешенскую автомашиной, а мы с Николаем Козловским, чтобы сократить время (все же от Ростова до Вешенской более 400 километров), решили вверить свои бренные тела и беспокойные души «малой» авиации. В восемь утра мы были на Ростовском аэродроме. Нас ожидала грациозная желтокрылая чешская «Морава». Возле нее стоял летчик Борис Дубинский. Есть какая-то притягательная сила в авиации и даже в «малой» авиации. И ничто не может эту силу разрушить. В 1972 году, когда мы с Анатолием Калининым уже подлетали к Вешенской, из-за сильного ветра нас вернули в Миллерово; пришлось этот путь покрывать на машине. В прошлом году, когда мы с Козловским возвращались из Вешенской, сильный ветер буйствовал уже в Ростове — наш сверхлегкий самолет посадили на полевом аэродромике станицы Старочеркасской. Там мы и сидели, пока пролетавший более прочный самолет, идущий с севера области, не приземлился на мгновение, чтобы захватить и нас, грешных.

Теперь мы летели роскошно. Высота — 300 метров. Скорость — 260—300 километров. Легкая облачность, от которой кажется, что солнце все время в прищуре. Внизу виднеются облака и овраги. Озерца. Изумрудные ковры всходов. Все пережившие лесополосы. Катера на Северском Донце... Можно задохнуться от наслаждения. И вдруг летчик, повернувшись вполоборота, говорит:

— Базки не принимают... Сильный боковой ветер.

— Какой ветер? При чем здесь ветер?!

— Предлагают вернуться в Ростов или сесть в Миллерове.

— Мы не можем вернуться в Ростов,— в полном отчаянии хриплю я.— Лучше сесть в Миллерове...

— Летите до Вешенской,— кричит Козловский летчику,— сделаете два круга, я сниму дом Шолохова, и вернемся в Миллерово.

Дубинский согласно кивает головой, и мы летим. Летим к Вешенской... И вот уже виден элеватор в Базках. Летчик делает круг над станицей и вдруг говорит:

— Дали посадку. Что делать?

— На посадку идите, на посадку! Потом сниму,— радостно кричит Козловский.

На вираже замечаю белую машину, сворачивающую с шоссе к домику Базковского аэродрома. Выпрыгиваем из кабинки «Моравы» и видим только что подъехавшего Анатолия Калинина, секретаря Вешенского райкома партии Николая Александровича Булавина и художника Бориса Щербакова с женой. Щербаков здесь уже вторично. Был прошлой осенью и вот снова в Вешках. Пишет шолоховские места.

— Смотри, как синхронно встретились,— говорит Калинин,— я выехал на всякий случай из Пухляковки в пять утра.

В этом составе через некоторое время мы и оказываемся в доме у Михаила Александровича. Первое, что радует,— Шолохов хорошо выглядит, в отличном настроении. Мария Петровна приглашает к столу. Хозяин дома шутит:

— Не за столом будь сказано, а что у вас на первое? Приезжал к нам Сергей Бондарчук со своими актерами, Юрий Никулин только сел за стол и произнес это. Веселый человек... Сначала закусите, а потом поговорим.

— Да мы только от стола... Булавин может подтвердить,— говорит Калинин.

— Подтверждаю.

— Сиди в гостях — распоряжайся дома... Закусывай, Толя. Главное, в чем наша задача? Проявить характер. Знавал я одного человека. Сильный был человек и видом большой, а жена такая смирненькая, маленькая... Сидят как-то за столом. Ну, не без этого... Жена на него смотрит, молчит, но видит он — про себя считает. Тогда он налил ей рюмку, говорит: «Пый». «Не хочу». «Пый, говорю!» Выпила. Всем легче стало... Я ведь знаю, Борис Валентинович, что вы работаете здесь,— неожиданно обратился Шолохов к Щербакову.— Как вам тут?

— Очень хорошо, Михаил Александрович.

— Главное, чтоб пришлось по душе. Художников здесь до вас еще не бывало.

— Михаил Александрович, мы смотрели,— сказал Калинин,— это очень впечатляет.

Шолохов кивнул:

— С удовольствием посмотрю.

Меня беспокоил один вопрос: уже сейчас начинаем готовить приложением к журналу «Огонек» приуроченное выходом к семидесятилетию Михаила Александровича собрание его сочинений. Мы привыкли советоваться с Шолоховым. И сейчас прилетели для того, чтобы окончательно все согласовать.

— Михаил Александрович, кому поручим иллюстрации к собранию сочинений? Рисунки должны быть очень хорошими. Мы перебирали разных художников... Даже вспомнили Королькова. Он перед войной иллюстрировал «Тихий Дон»...

— Что ж, Корольков был неплохой художник,— говорит Шолохов.— Дай-ка, Маша, это издание.

Мария Петровна приносит объемистую книгу, выпущенную издательством «Художественная литература» в 1941 году. В этот фолиант вме-

Михаил Александрович с женой и дочерью Машей.

стились все четыре книги романа. Мы знали, что когда-то Михаилу Александровичу нравились иллюстрации тогда еще молодого ростовского рисовальщика. Сейчас в глазах Шолохова было раздумье. Полистав книгу, он открыл страницу с рисунком, где Мелехов на коне занес шашку над австрийцем. Затем перелистал еще книгу и открыл на странице, где был изображен вернувшийся после госпиталя Мелехов. Широко расставив ноги, стоял Мелехов перед крыльцом дома Листницких. Ничего не скажешь, все нарисовано картинно и броско. Пожалуй, даже слишком картинно. Мы эти рисунки хорошо помнили. Михаил Александрович отложил книгу.

— Сколько писем я получил из-за одной неточности художника. Он не изобразил скошевку, что пропущена под пузом коня к седлу. Писали читатели: не знает художник, что рисует. Если без скошевки — от первого удара пикой казак с седла вылетит.

— Он коней хорошо писал.

— Коней — да... Коней хорошо... А вот женщин похуже.— Шолохов перелистал книгу и остановился на рисунке, где у изгороди Аксинья разговаривает с Григорием. Как бы новыми глазами взглянули мы на эти рисунки. Действительно, обаяние, извечное колдовское обаяние Аксиньи тут трудно было заметить.

— Женщины должны быть покрасивее... Не надо их огрублять. У нас какие они...— Шолохов улыбнулся.— Ехал я с дружком одним. Я за рулем, он рядом. В поле казачек встретили. Одна из них — только глаза видны, лицо от загара закрыто. Одни глаза... Остановились. Пошел дружок к казачкам. Я сижу. Смотрю ему вслед. Поговорил он с ней. Идет обратно. «Ну, что?» Махнул дружок рукой. «Едем дальше... Не вырвешься потом». Одни глаза видел... Коней Корольков знал. Он родней крупному донскому конезаводчику доводился. Ушел, дурной, с немцами...— Михаил Александрович помолчал.— В рисунках должно быть все ясно. Возьмите фадеевский «Разгром». Великолепная книга... Где-то люди воюют... Что-то делают — все видишь. Все понимаешь. Одно с другим не смешаешь... Тонкость для художника необходима. Во время вручения Нобелевской премии был я в Швеции на одном трогательном празднике. Королевой красоты была избрана обыкновенная девушка, дочь рыбака... Нет, нельзя красоту огрублять. Пусть иллюстрирует тот, кто людей привлекательными умеет делать.— Шолохов отодвинул книгу.

— Михаил Александрович, рисунки — это видно... А как переводы ваших книг на другие языки оценить?

Шолохов пожал плечами.

— Как их все проверишь? Вопрос сложный. Тут по-разному бывает. Какой хороший поэт Твардовский... А за рубежом его почти не знают. Не понимают, наверно, переводчики. Переводят некоторых модных... Быть хорошим переводчиком — это большое искусство.— Шолохов усмехнулся.— У меня в Скандинавии был толмачом один студент-датчанин. Как перевести «кирпич», не знает. «Черепицу» — не знает... Даже «бумагу» не знает. Да и где ему, бедняге, знать, когда времени у него нет. Приходит утром, стонет. Я спрашиваю: «Что?» «Ноги болят». Обут в горные альпийские ботинки... «Почему болят?» «Игра у нас такая: сидим за столом, пиво пьем, а под столом лупим друг друга ногами». Задрал штанину — вся нога синяя. Где ж ему знать язык? Шекспир — сугубо английский писатель... А как его у нас знают! А почему? Переводчики были отличные. Это большое искусство — перевод.

— Михаил Александрович, но с переводами некоторые издатели тоже штучки выбрасывают. Как было в Англии с «Тихим Доном», а во Франции в свое, правда, время с «Поднятой целиной»? Не такое уж безобидное дело — перевод.

— Конечно, есть и фальсификаторы... Раз существует политика — должны быть и фальсификаторы. В книге Константина Приймы [1] подробно исследован этот вопрос. Серьезная работа нашего земляка... Пришло недавно письмо из ГДР. Жалуются издатели: не хватает «Тихого Дона». Сообщают, издали один миллион четыреста тысяч... Частично и на Западную Германию... Что я им могу ответить? Что не по адресу письмо? Или что рост самосознания? Но это ж друзья пишут. Шутить мы вот тут за столом можем. Но если серьезно — действительно рост самосознания. Это всюду. Но, по-моему, особенно у нас. Как депутат, я получаю много писем...— Шолохов поднялся и пошел в соседнюю комнату. Вернулся, держа в руке конверт.— Прочти, Толя, это письмо из Азова,— обратился он к Калинину.

Автор письма сообщал о том, что он, как и его отец и как его братья, после войны и ранения уже почти 30 лет работает на Азовской верфи судовым столяром и что старший сын его также начал работать на той же верфи, и что младший по окончании школы тоже

[1] «Тихий Дон» сражается. Ростиздат, 1972 г.

придет на верфь. И что 74-й год знаменателен для него: награжден судовой столяр орденом Трудового Красного Знамени. И что министерство мало уделяет внимания их судоверфи, мало заботится о бытовых нуждах, о жилищах для рабочих. Поэтому молодежь уходит с верфи. А на партийных собраниях хотя и раздаются критические голоса, но они пропадают в потоке общих слов и решений.

На каком-то слове Калинин не разобрал написанное.

— Дай-ка, Толя...— сказал Шолохов.— Я привык угадывать почерки.— И сам дочитал письмо.— Это действительно рост самосознания. Судовой столяр, рабочий, а как заботится о преемственности поколений! О чести предприятия! Это ж государственно мыслящий человек! — горячо говорил Шолохов.— Я и сам не знал, что в Азове имеется верфь...

— Может, опубликовать письмо?

Шолохов на мгновение задумался:

— Не-ет... Письмо этот человек писал мне... Своему депутату... Я сам должен и меры принимать и отвечать ему... Рост самосознания у всех ведь, не только у избирателей.— Шолохов аккуратно вложил письмо в конверт.

— Михаил Александрович, а что сейчас происходит в Миллерове? В газете «Молот» сообщалось о том, что Шолохов оказал большую помощь в строительстве там предприятий.

— А как же иначе? В Миллерове и вокруг него много казачьей молодежи. Надо, чтобы она вливалась в промышленность, в рабочий класс... Тогда не будет уходить молодежь на сторону... Будут в Миллерово тянуться. Пусть соединится одно с другим... Что ты увидела недавно, Маша, в степи? — обратился Шолохов к Марии Петровне.

— Как одно к другому приспосабливается... За станицей боярышник цветет, козы там пасутся... В боярышнике... Пригоняют их из степи — козы боярышником пахнут, а боярышник козами...

И вспомнилось, как в прошлом году, в самом конце мая, вместе с Михаилом Александровичем поехали мы не так-то уж и далеко от Вешенской, к Лебяжьему яру, к прикипевшим к сердцу Шолохова местам. Было раннее утро. Светло и безветренно. На другой стороне голубел лесок, а внизу катил свои вечные волны Дон. Михаил Александрович стоял на самом краю высокого берега и молча смотрел на дрожащие в утреннем мареве дали...

И еще вспоминалось, как однажды, может, уже и десять лет назад, а может, и чуть дальше по времени, оказались мы с ним в изрезанном неглубокими балками, густо шелестящем под летним ветерком леске. Шолохов тихо произнес тогда: «Здесь каждый кусок земли кровью пропитан».

Мы знали, что Михаил Александрович неторопливо продолжает работать над романом «Они сражались за Родину», хотя уже и то, что по главам было собрано в книгу, горячо встречено поклонниками шолоховской прозы. Не так давно обрадовала нас весть и о том, что Сергей Федорович Бондарчук написал по опубликованным главам этой книги сценарий. О том же, что Сергей Бондарчук вместе с актерами, снимающимися в фильме, приезжал к Шолохову, я узнал уже в Ростове.

— Я говорил Бондарчуку: «Погоди, Сергей, закончу роман — тогда и будешь снимать картину»,— рассказывал нам, посмеиваясь, Михаил Александрович.— Но не я, а он уговорил меня. А недавно приехал со своими орлами, и просидели за разговорами до четырех часов ночи. Бондарчук, Тихонов, Никулин, Шукшин... Никулин приехал, как был, в выцветшей гимнастерке,— говорит, сниму ее, когда фильм кончим. И еще просил Никулин не убивать Некрасова, поскольку он его играет. Очень понравился мне Шукшин. Серьезно относится к Лопахину. По-моему, подходит по характеру... Приехали за советом: как делать картину? Что я мог им сказать? Не отступайте от правды. «Можно это взять на вооружение?» — Шукшин спрашивал. «Показывайте все, как было». «Все, как было?» «Все... Победа-то наша». А когда я спросил, что они сами думают о картине, говорят: не надо спрашивать. Все оказались суеверные... Что же, обождем... Место для съемок они выбрали правильное.

Действительно, место для съемок выбрано правильное. Кто не помнит по сводкам Советского Информбюро станицу Клетскую, в районе которой в преддверии Сталинградской битвы весь август 1942 года шли ожесточенные бои!

Неторопливо текла беседа. Уже несколько часов сидели мы за столом. Пора было дать хозяевам отдых. Предстояла еще одна встреча, во время которой Борис Щербаков должен был показать Михаилу Александровичу свою работу. Художник ежедневно с холстом направлялся на природу.

Мы вышли на веранду. Ярко светило солнце.

— Урожай в этом году ожидаем хороший,— сказал Шолохов.— Так, Булавин?

— Ожидаем, Михаил Александрович,— ответил секретарь райкома.— Пока все говорит об этом.

— Вот так всегда, пока не уберемся, точного ответа от Булавина не дождешься.

— Помните прошлый год? Какие дожди были!

— Но урожай-то собрали какой?

— В среднем двадцать и шесть десятых центнера на гектар,— скромно сказал Булавин.

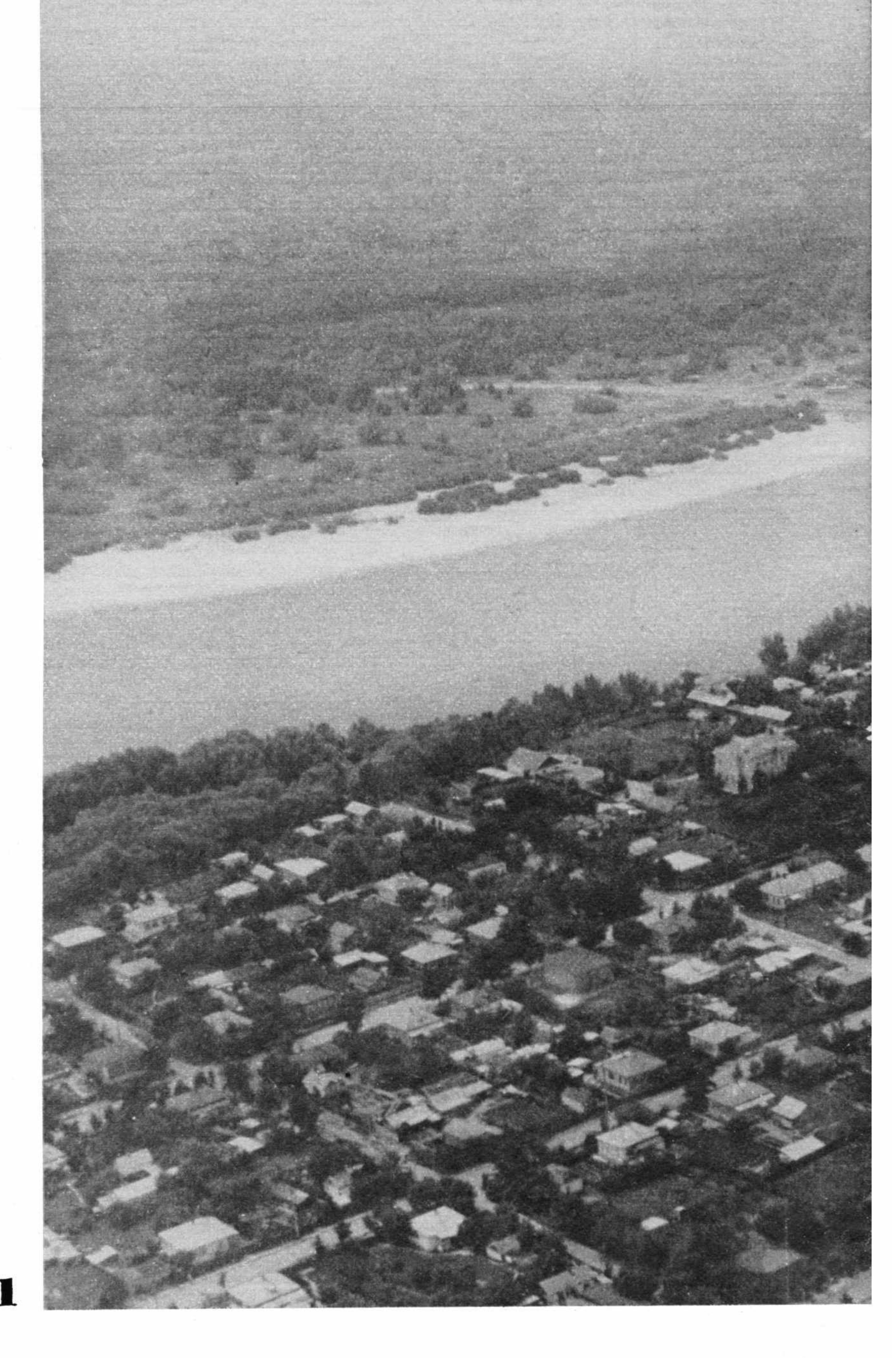
— Для нашего района это высокий урожай.

— Будем добиваться еще получше.

Откуда-то, то ли из-за Дона, то ли с соседних дворов, тянуло легким, почти неуловимым запахом скошенного сена. Казалось, все цветет вокруг, так же как здесь, на широком, поросшем густыми деревьями шолоховском дворе.

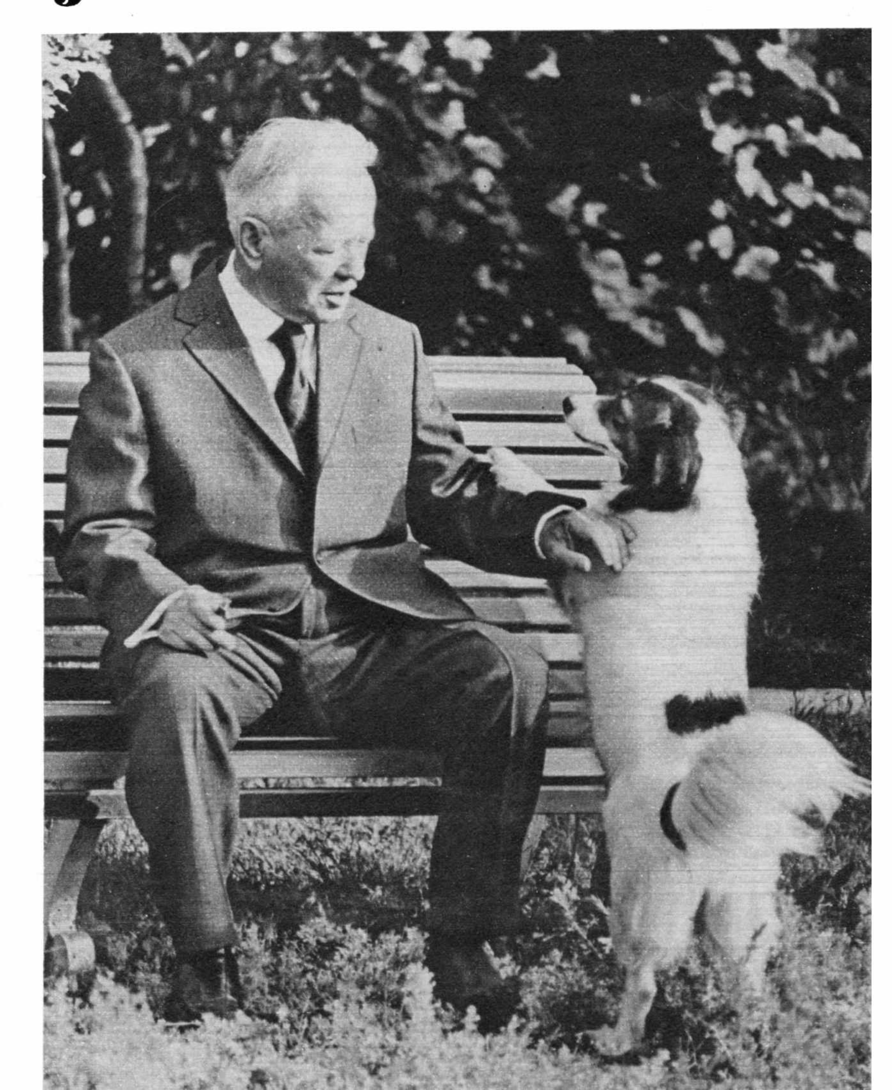
— До встречи,— сказал, прощаясь, Шолохов.— А рисунки все же, пожалуй, хорошо бы дать Верейского.

Июнь 1974 года

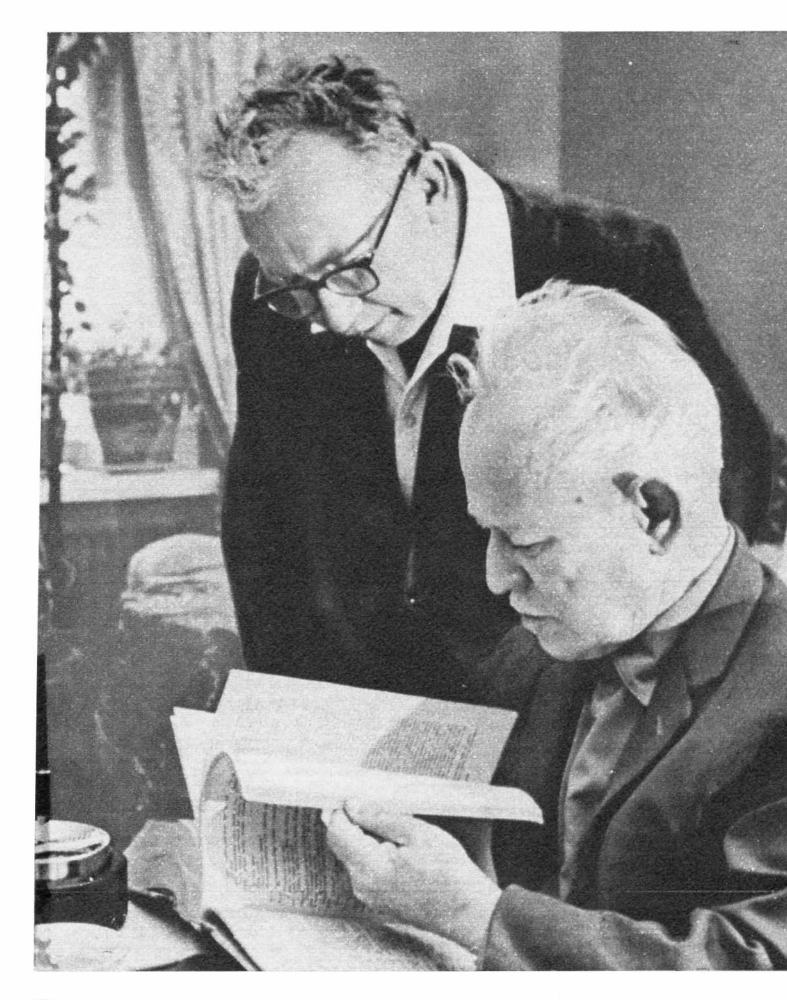

1

3

2

4

1 Станица Вешенская, июнь 1974 года.

2 М. А. Шолохов и художник Б. В. Щербаков.

3 В саду...

4 В гостях у писателя — участники съемочной группы фильма «Они сражались за Родину».

Фото В. Чумакова.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПИСЬМАМИ

ПОЧТА • ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА • ПОЧТА

У ВЕСОВ ВСЕ-ТАКИ ДВЕ ЧАШИ

Ю. ФЕОФАНОВ

Однажды мне задали очень любопытный вопрос... Только что кончился фильм «Калина красная». Только что от руки негодяя пал Егор Прокудин. Только что брат, кажется, его жены, тихий, безответный увалень, рассвирепев, разогнал самосвал и врезался в автомобиль с четырьмя подонками. Мы догадываемся, что он убил их.

— Ну и что теперь будет? — спросили меня.

— Как что? Судить будут.

— Судить? Но это же отличный человек!

— Все равно. Таков закон. Не могут не судить.

Вот тогда и последовал коварный вопрос:

— Скажите, а вы за что: за закон или за справедливость?

С юридической точки зрения вопрос можно бы посчитать неграмотным. А с человеческой точки зрения — наивным. Но посчитать так — значит отмахнуться от вопроса, который при более внимательном рассмотрении достаточно серьезен.

Вспомнил я этот разговор, когда читал отклики на свой судебный очерк «Две чаши весов», опубликованный в «Огоньке» № 13. Там излагалась, если в двух словах, такая история. Над девушкой, названной Еленой Кречетовой, надругались четверо парней. Милиция никаких мер не приняла. Тогда Елена решила отомстить. Встретив одного из обидчиков, она убила его заранее приготовленным ножом. Девушку и ее жениха Бориса Барсова (он назван в очерке так), который участвовал в этом деле, судили. Затем осудили и троих парней. Изложив эту историю, я, конечно, высказал некоторые моральные соображения обо всем случившемся. Но старался не ставить точек над «i», не вешать ярлыков: мол, этот виновен, а та невиновна, этот плохой, а та хорошая. Слишком сложный узел завязался...

И вот отклики. Подавляющее большинство — возмущенные, гневные, резко осуждающие и конкретных насильников и, как таковое, хулиганство, а также попустительство хулиганам. Упреки автору: почему не нашел достаточно резких слов, чтобы заклеймить и т. д. К этим откликам могу только присоединиться. Надо было заклеймить резче...

Но вот сквозь гневные строки проглядывают очень и очень непростые вопросы, наподобие того, что был задан после финала «Калины красной».

Должен сказать, что в очерке отмечалось одно обстоятельство. Девушка, жертва насильников, заслужила дурную репутацию в поселке. Это, разумеется, ни в какой мере не снимает вину с насильников. Не оправдывает это и бездействие милиции. Но... из песни слова не выкинешь. Что было, то было. Дурная слава легла на ту чашу весов, которая тянула не в пользу Елены.

Вот по этому поводу, то есть по поводу того, что вообще упомянуты весы, некоторые читатели высказали свое отрицательное отношение. Мысль такая: какие там весы, какие могут быть рассуждения, все же ясно.

«По-моему,— пишет Михаил Марукевич из Архангельска,— Елена и Борис совершенно невиновны, совершенно зря их осудили». Другой отклик — А. Тимушовой: «Зря автор обвиняет девушку, что она играла с огнем. Где, какой огонь? У Елены был жених, все знали, что она девушка не развратная, а если одевалась вызывающе, так кто сейчас одевается не вызывающе?» Москвичка учительница А. Лясникова полагает, что характеристика Елены как «отчаянно бесшабашной, самоуверенной никак не может характеризовать ее как девушку легкого поведения». Анонимный автор написал: «Чаша у весов в данном случае одна — подлость и равнодушие привели к трагедии, и нечего тут растекаться мыслию по древу».

Автор целиком и полностью разделяет то мнение, что о человеке нельзя судить по внешности и даже по внешним поступкам. Эта мысль была высказана и в очерке. Но можно ли отрицать в данной ситуации наличие двух чаш весов? Давайте обратимся к читательским письмам.

В очерке говорилось, что дурную славу Елене создало и ее поведение и пересуды кумушек по поводу «пороков» современной молодежи. Б. В. Розаев из Тольятти пишет: «Я за кумушек, за деготь на воротах, против оголенных девиц, выпивающих в 16 лет. На работе, в поселке те же кумушки, мать внушали Елене вести себя хорошо, а она реагировала согласно с модой... Конечно, работники милиции виноваты. Только в чем? Им следовало бы предупредить преступление: остричь пару раз Елену, душ ей устроить (?), с работы убрать, тогда бы не совершилось преступления ни первого, ни второго». Не столь резко, но такое же мнение высказывает А. А. Вознесенский (ст. Льгов, Курской области): «Все, что произошло с Еленой,— это не случайное явление. Это закономерная развязка, она вытекает из дурного поведения, это может случиться с любой, если она пойдет наперекор общественному мнению».

Лично я к этому мнению не присоединяюсь. Но это ведь тоже мнение!

Значит, все же две чаши! Отмахнуться от того, что нам не нравится, что мы не приемлем,— это равносильно упрощению сложностей жизни. Самое ведь легкое, вместо того чтобы вникать в сложности, постигать их, делать выводы из опыта жизни, в том числе и горького, отмахнуться от всего и безапелляционно заявить: этот прав, а этот виноват. Но легкий путь не всегда правильный путь.

Позволю себе с помощью известного историка Теодора Моммзена сделать экскурс в глубь веков. Вернее, привести пример исключительной научной объективности. Моммзен так оценил одного из героев римской истории, известного нам со школьной скамьи,— Гая Гракха: «В этом исключительном человеке и в этой удивительной политической судьбе так тесно переплелись право и преступление, удача и неудача, что на этот раз можно позволить себе то, что лишь в редких случаях дозволяется историку: воздержаться от оценки». Журналисту еще реже дозволяется избегать оценок, но в данном случае, пожалуй, стоит последовать совету историка.

Ведь вот та же милиция... Почти во всех письмах звучит недоумение и возмущение: почему милиция вовремя не приняла меры? Почему не защитила оскорбленную девушку? Почему автор не направил весь свой гнев в адрес инспектора, формально отнесшегося к заявлению? Почему не наказан инспектор?

Ну, во-первых, виновные были наказаны. Во-вторых, очень легко было найти гневные слова. Но не увели бы они, эти гневные слова, от сложности ситуации? Нельзя же не учесть, что дурная слава, пусть пущенная теми же кумушками, обрела силу общественного мнения в поселке. И это в какой-то мере повлияло на отношение к «жалобе потерпевшей». Плохо это? Да. Но так было. Ведь читатели, всю вину за случившееся возлагающие на Елену, тоже имеют право на свою точку зрения. И не исключено, что люди, убежденные в «первовине» Елены Кречетовой, и получили в руки ее заявление. С них вины это не снимает, они обязаны были выполнять свой долг вне зависимости от точек зрения. Но кое-что все же объясняет.

Итак, не все всем ясно и очевидно: у общественного мнения две чаши весов. Правда, подавляющее большинство откликов «за Елену». «Елена поступила правильно, судить ее не за что»,— пишет А. Софьин из Сызрани. «Самосуд Елены над своим обидчиком логически оправдан» (А. Жукелич). «Я не понимаю, за что судили Елену» (Е. Турулин). Офицер в отставке А. Перковский еще более категоричен: «Елену необходимо наградить за то, что она освободила наше общество от банды насильников».

Словом, большинство считает справедливым полностью оправдать девушку. Увы или к счастью, справедливость, как и истину, большинством голосов установить нельзя. Справедливость в подобных случаях можно найти в одном — в законе и правосудии. Только! Иных путей нет. И ответ на вопрос «За закон вы или за справедливость?» может быть один: справедливо то, что законно.

Но вот еще одно письмо: «Советский суд, в данном конкретном случае исходящий не из абстрактных юридических норм, а из живого содержания человеческих поступков, обязан был оправдать Елену Кречетову». Это строки из письма кандидатов филологических наук Е. И. Семенова, исторических — Б. П. Селецкого, философских — В. С. Антонова. «Приговор,— продолжают они,— представляется нам вопиющим беззаконием. Почему судьи не поставили себя, своих жен, сестер, дочерей на место юной женщины?.. Повторяем, органами юстиции по делу Кречетовой допущена ошибка».

Несколькими строками раньше авторы письма замечают: «Мы не искушены в юриспруденции». Но тогда возникает вопрос: если не искушены, то стоит ли столь категорично судить о сложнейшем юридическом вопросе? Авторы письма говорят, например, об абстрактных юридических нормах. Таких норм, однако, в природе не существует — они все точно и конкретно зафиксированы в кодексах законов, даже пронумерованы (пресловутые «буквы закона»). Ими, только ими, совершенно конкрет-

ными нормами (статья УК), руководствовался суд, прилагая их к «живому содержанию человеческих поступков». Иначе поступить суд не мог. Можно было спорить о мере наказания, можно и нужно было учесть все обстоятельства преступления. Но оправдать самосуд судьи не имеют права. Справедливости помимо закона, вопреки праву быть не может. Эта элементарнейшая правовая истина не то что не доходит до сознания, нет, отторгается иногда она нашими чувствами, как инородное тело. (Если провести референдум по финалу «Калины красной», уверен, большинство скажет: не судить надо брата жены, а наградить.) А эту истину необходимо понять и принять, если мы считаем себя юридически грамотными гражданами (не юристами, а обычными гражданами, уважающими закон). Человечество много веков назад придерживалось принципа: око за око, зуб за зуб. К счастью, оно давно ушло от этого, придя к идее правосудия. К идее не мести, а справедливости.

«Наш советский суд преследует не только цели правосудия,— пишут авторы письма,— но и цели общественного воспитания». Но суд осуществляет общественное воспитание своим приговором, так сказать, самим актом правосудия. Никаких других воспитательных мероприятий в зале суда не проводится. И советский суд, наказав насильников, не мог оставить без наказания и самосуд, который осуществила Елена Кречетова, ибо ее действия — заранее подготовленное убийство, пусть по каким угодно благородным причинам,— простить нельзя. Это — тоже «общественное воспитание». Ибо никому, кроме лиц, наделенных законом особыми полномочиями, не дано вершить правосудие. И вершить не по наитию, не по самодеятельной «справедливости», не по «абстрактным юридическим нормам», а по точно зафиксированным нормам Уголовного кодекса.

Ни в коей мере не хочу уходить от вопроса, звучащего и в этом письме и в других письмах: а что же оставалось делать девушке? Что делать, если не нашла она защиты в своем отделении милиции? Признаюсь: трудно, почти невозможно ответить, не сбиваясь на банальные советы, что-де надо добиваться, что защиту найти было можно и т. д. Как-то даже неловко давать такие советы. Но сказать, что убийство из мести было единственным и правильным выходом из создавшегося положения, я тоже не могу. Потому что стать на путь безнаказанности самосуда, оправдания мести — значит пропагандировать полный хаос в обществе, войну всех против всех, возврат к тому, от чего цивилизация увела человечество много сотен лет назад.

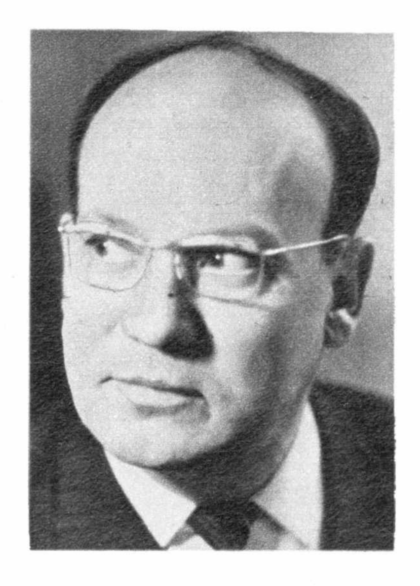
Богиню Правосудия — Фемиду — наши пращуры изобразили с повязкой на глазах и весами в руках. Повязка олицетворяет беспристрастие. А весы, как известно, имеют две чаши. Нам же иногда представляется, что достаточно было бы меча: тех рубить без оговорок, этих миловать столь же категорически.

В правосудии, позвольте повториться, как и в жизни, все куда сложнее. Когда люди сталкиваются с гнусностью, с подлостью и низостью, их страсти кипят, чувства требуют крайних мер. Правосудие, основанное на законе, обязано спокойно и трезво взвесить все на двух чашах весов. И гнусность бывает не без сопутствующих обстоятельств, и к благородству иногда примешиваются другие краски, кроме ослепительно белой. Все это приходится взвешивать, дабы наказать порок, защитить добродетель, но так, чтобы это было Справедливо и Гуманно.

* * *

На этом мне бы хотелось поставить точку. Однако многие читатели спрашивают о судьбе девушки, которая названа Еленой Кречетовой, и ее жениха. После опубликования очерка она была в редакции. Теперь Елена носит фамилию Бориса, оба работают, у них уже двое детей, оба строят свою семейную жизнь, которая началась столь драматически.

ВО ИМЯ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Николай ТИХОНОВ

Когда исполняется юбилей того или иного писателя, да еще юбилей, знаменующий долгий жизненный путь, перед нами как бы является широкая картина творчества, работа, которую в силу своего таланта выполнил писатель, отдав ей сердце и душу.

Олекса Николаевич Новицкий родился в краю, проникнутом поэзией Приднепровья, с детства окруженный прекрасной природой и песенной музыкой шевченковских творений. Недаром с такой силой привлекло его песенное начало.

Стихи он писал с самой ранней юности. Вырос, учительствовал, стал работать в комсомольской и партийной печати, во время войны — военный корреспондент.

Вышли у Олексы Новицкого сборники стихов. Стихи его переводили и М. Светлов, и Н. Ушаков, и другие прекрасные поэты. Стихи хорошего звучания, серьезной, душевной лирики.

Но песни заняли большое и особое место в творчестве поэта. Эти песни понравились народу, их пели и на больших смотрах и олимпиадах, и в дружеских компаниях. Иные из них, написанные для фильмов, сошли с экрана и стали широко известными — «Разговор Днепра с Волгой», «Ты любовь моя», «Песня коммунистических бригад», «Песня про Украину», «Россия моя», «Расстилалися туманы» и многие другие.

Песня — это добрый труд, патриотический, перенесенный в народные массы. Но поэт свершил и другую работу на ниве служения высокой поэзии: его талантом крепились связи украинской литературы с литературами нашей многонациональной Страны Советов.

Из этого поэтического общения следует выделить глубокие связи с поэзией Советской Грузии, с ее классическими и современными поэтическими произведениями. В составленную им двухтомную антологию «Поэзия грузинского народа» вошли поэты с начала XII века до наших современников, чья поэзия вдохновлена идеями Великого Октября. О. Новицкий-переводчик представил здесь все краски и стили грузинской поэзии.

Другой его сборник, «Радужными мостами», привлекший внимание грузинской и украинской общественности, чрезвычайно ценен неизвестными статьями Агатангела Крымского, друга Леси Украинки, письмами М. Коцюбинского и других деятелей культуры Украины к Илье Чавчавадзе, материалами, связанными с исторической встречей Акакия Церетели с Т. Г. Шевченко на квартире Н. Костомарова в Петербурге.

О. Новицкий широко переводил поэтов России, от классиков XIX века до поэтов послеоктябрьского периода. Огромный список поэтических имен дополняется переводами таких больших прозаических произведений, как, например, «Семья Ульяновых», «Первая Всероссийская», «Четыре урока у Ленина» М. Шагинян, «Весна на Одере» Э. Казакевича.

Невозможно перечислить здесь переведенные Новицким произведения армянских, азербайджанских, белорусских, чувашских, татарских поэтов и прозаиков. Им переведена «Моабитская тетрадь» поэта-героя Мусы Джалиля, с которым украинский поэт встречался в свое время и любовью к которому продиктован этот вдохновенный труд.

Все эти связи, творческие и дружеские, возникали и расширялись благодаря еще одному, характерному для поэта-переводчика обстоятельству. Он неутомимо путешествовал по братским республикам, изучал их быт и поэзию, знакомился с писателями и поэтами, не жалея своих сил для сбора необходимых знаний и изучения переводимых им произведений. Олекса Новицкий — один из самых трудолюбивых переводчиков, знаток многих литератур нашей Родины.

Во имя дружбы народов им проделана огромная, заслуживающая самого серьезного внимания работа, которая к 60 годам его жизни сделала поэта мастером перевода и дала ему большую радость проникновения в многообразные красоты поэзии братских народов,— работа, которая должна оцениваться как большая культурная заслуга в деле укрепления братского взаимопонимания.

Я видел Олексу Новицкого в его поисках прекрасного, в его путешествиях к источникам рождений поэтических произведений и могу засвидетельствовать высокий жар его души и стремление сблизить людей на самой благодарной почве — рожденной сердцем народа поэзии.

СРАЗУ НЕСКОЛЬКО ДЕБЮТОВ

Дебютом выпускницы школы-студии МХАТ Н. Емельяновой стало исполнение центральной роли Вики Астаховой в новой комедии Ц. Солодаря «Ищите мужчину!».

Пьеса, рассказывающая о московской рабочей молодежи, о пути молодой работницы из художественной самодеятельности в большое искусство, впервые поставлена Борисом Докутовичем в Ногинском драматическом театре. Как театральный композитор дебютирует в этом спектакле выпускник Московской консерватории имени П. И. Чайковского Анатолий Ляшев.

Новый спектакль с успехом показан в гастрольной поездке театра по Украине и в Йошкар-Оле.

На снимке: молодые артисты Н. Емельянова и В. Сидоров.

Фото Ю. Стоскова.

Юрий МЕЛЕНТЬЕВ

ЮНОСТЬ РУССКОГО ПРОМЕТЕЯ

В. И. Ленин, испытавший в юности плодотворное влияние идей и личности Н. Г. Чернышевского, хорошо знал и высоко ценил произведения великого демократа. Следуя заветам В. И. Ленина, Коммунистическая партия всегда придавала огромное значение творческому наследию Н. Г. Чернышевского.

Еще до ареста Н. Г. Чернышевский собирался подытожить свою работу в журналистике, начал готовить к изданию собрание своих сочинений. Но при жизни ему не удалось осуществить такое издание. Впервые благодаря огромным усилиям его сына Михаила Николаевича оно вышло в годы первой русской революции. Только Великий Октябрь создал неограниченные возможности для собирания, издания и распространения трудов Н. Г. Чернышевского.

За годы Советской власти работы Н. Г. Чернышевского издавались в СССР 208 раз на 24 языках. Роман «Что делать?» выходил 89 раз тиражом более 6 миллионов экземпляров. Шесть раз издавались Собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, в том числе в 1939—1953 годах — Полное собрание сочинений в 16 томах.

Выпускаемое в ближайшее время «Библиотекой «Огонька» Собрание сочинений Н. Г. Чернышевского будет самым массовым из всех его изданий. Общий тираж пяти томов приблизится к 2 миллионам экземпляров.

●

Страницы истории человечества хранят множество имен, обессмертивших себя небывалыми открытиями, славными подвигами, гениальными творениями. Особо почетное место среди них занимают имена тех, кто свои незаурядные способности, всю свою жизнь посвятил борьбе против эксплуатации и нищеты, кто звал угнетенных на борьбу и боролся сам, кто своими революционными деяниями, своей неукротимой волей и страстной мечтой приподнимал завесу будущего, объясняя живущим и грядущим поколениям, что золотой век для людей еще впереди.

В когорте таких бессмертных имен вечно будет сиять имя Николая Гавриловича Чернышевского — признанного вождя русской революционной демократии, отдавшего делу революции и борьбы с царизмом весь свой огромный талант мыслителя, писателя и критика, филолога и историка, пламенного публициста и организатора.

В первоначальном варианте своего революционного романа «Что делать?», в главе «Новые лица и развязка», Н. Г. Чернышевский намеревался поместить диалог, который объясняет причину появления среди его героев «особенного человека» — Рахметова. Этот диалог не вошел в журнальный текст «Современника», видимо, по цензурным соображениям. Профессиональный революционер Рахметов, герой, шагнувший в литературу, несомненно, из жизни, по мысли автора, рожден исторической необходимостью: обстановкой тогдашней революционной действительности.

Вот этот сдержанный, подернутый флером конспиративных соображений, но все-таки вполне ясный читателю любой проницательности диалог, в котором речь идет о Рахметове, находящемся за границей:

«— А пора б ему воротиться!

— Да, пора.

— Не беспокойтесь, не пропустит своего времени.

— Да, а если не возвратится?

— Так что ж? Ты знаешь, свято место не бывает пусто. За людьми никогда не бывает остановки, если будет им дело:— найдется другой,— был бы хлеб, а зубы будут.

— А мельница мелет, сильно мелет! — Готовит хлеб!»

Да, революционная мельница в 50—60-е годы XIX века молола в России сильно и неутомимо. Горизонты русской истории непрерывно полыхали то волной крестьянских бунтов и неповиновения помещикам, красным петухом пожаров на усадьбах с беспощадной расправой над их хозяевами, то магматическими толчками идеологии «безбожных вольтерьянцев», группировавшихся вокруг Петрашевского, то непокорством возбужденного студенчества, то голосом герценовского «Колокола», призывно звонившего из туманной дали Лондона, то тяжким поражением Крымской войны, в которой нелепая и напыщенная колымага царизма показала свою скрипучую никчемность и отсталость. Казалось, история жаждала перемен и рвалась к ним. Революционная Россия выдвинула в ответ сначала Белинского и Герцена, а потом породила из недр своих гигантскую фигуру Чернышевского.

Говорят, что всякое сравнение хромает. Но передачу революционного жезла и своеобразной эстафеты в области литературно-критической мысли от Белинского к Чернышевскому хочется сравнить с тем удивительным фактом в истории русской литературы, когда поэтическое перо, выбитое из рук великого Пушкина, было на лету подхвачено молодым гением Лермонтова.

Через несколько лет после смерти «неистового Виссариона» Н. Г. Чернышевский, воздавая должное великому значению его деятельности в русской критике и истории, писал в «Очерках гоголевского периода русской литературы»: «Кто вникнет в обстоятельства, среди которых должна была действовать критика гоголевского периода, ясно поймет, что характер ее совершенно зависел от исторического нашего положения; и если представителем критики в это время был Белинский, то потому только, что его личность была именно такова, какой требовала историческая необходимость. Будь он не таков, эта непреклонная историческая необходимость нашла бы себе другого служителя, с другою фамилиею, с другими чертами лица, но не с другим характером: историческая потребность вызывает к деятельности людей и дает силу их деятельности, а сама не подчиняется никому, не изменяется никому в угоду. «Время требует слуги своего», по глубокому изречению одного из таких слуг».

Время требовало появления Чернышевского, и он пришел, чтобы совершить свой удивительный жизненный подвиг, который навсегда вписан в историю России и революционного движения.

Из статьи к новому Собранию сочинений Н. Г. Чернышевского, выходящему в приложении к журналу «Огонек».

Саратов. Дом-музей Н. Г. Чернышевского.

Синяя зала в Доме-музее.

Саратов. Памятник на могиле Н. Г. Чернышевского.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Памятник Н. Г. Чернышевскому в Саратове. Работа скульптора А. Кибальникова. 1953 год.

«Старый Саратов. Гостиный двор» (акварель).

О. С. Чернышевская с сыном Александром.

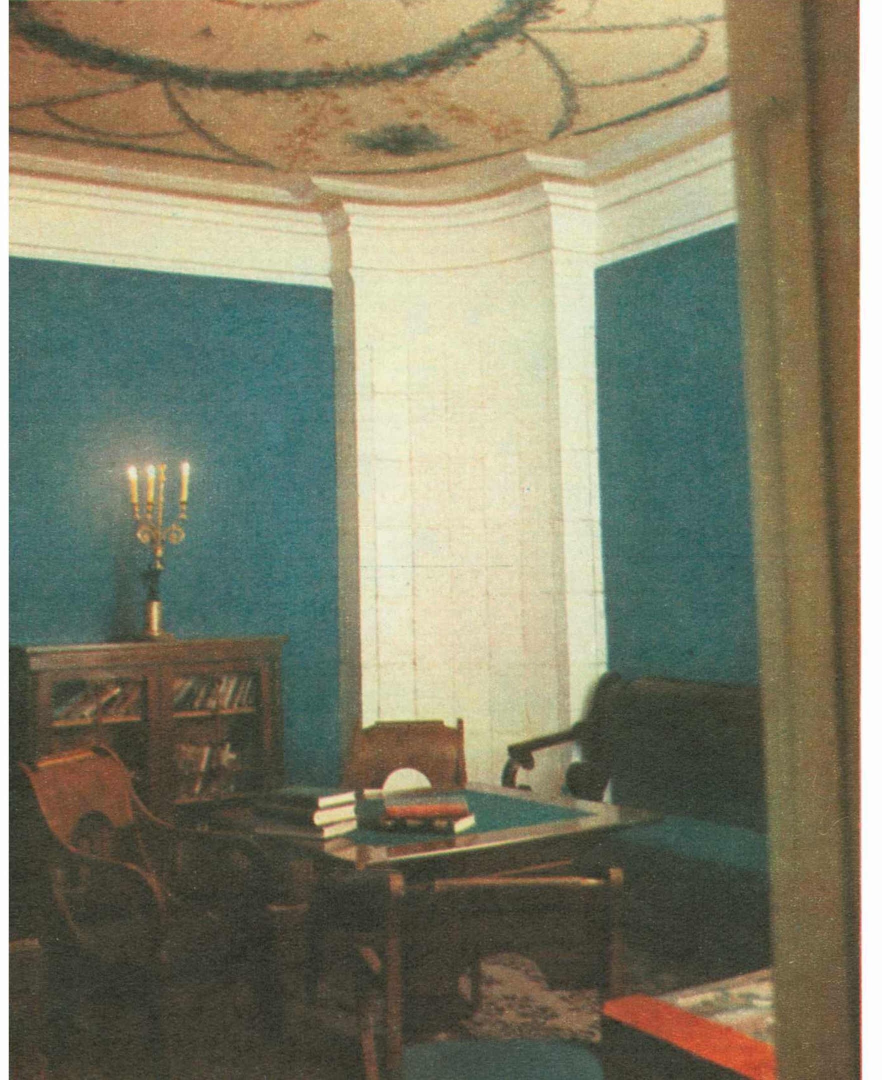
«Рахметов на Волге». Иллюстрация художника В. Минаева к роману «Что делать!».

Книги Н. Г. Чернышевского и книги о Чернышевском.

Н. Г. Чернышевский. Фото 1870 года.

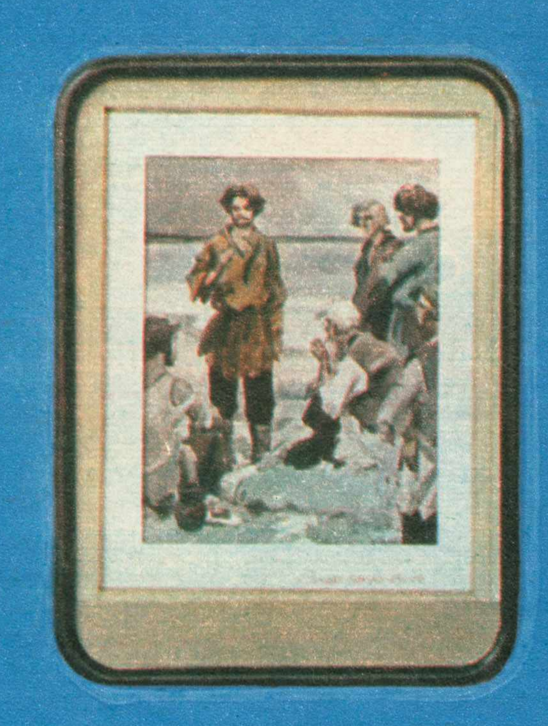
«Чернышевский в редакции журнала «Современник» (художник Ю. Казмичев).

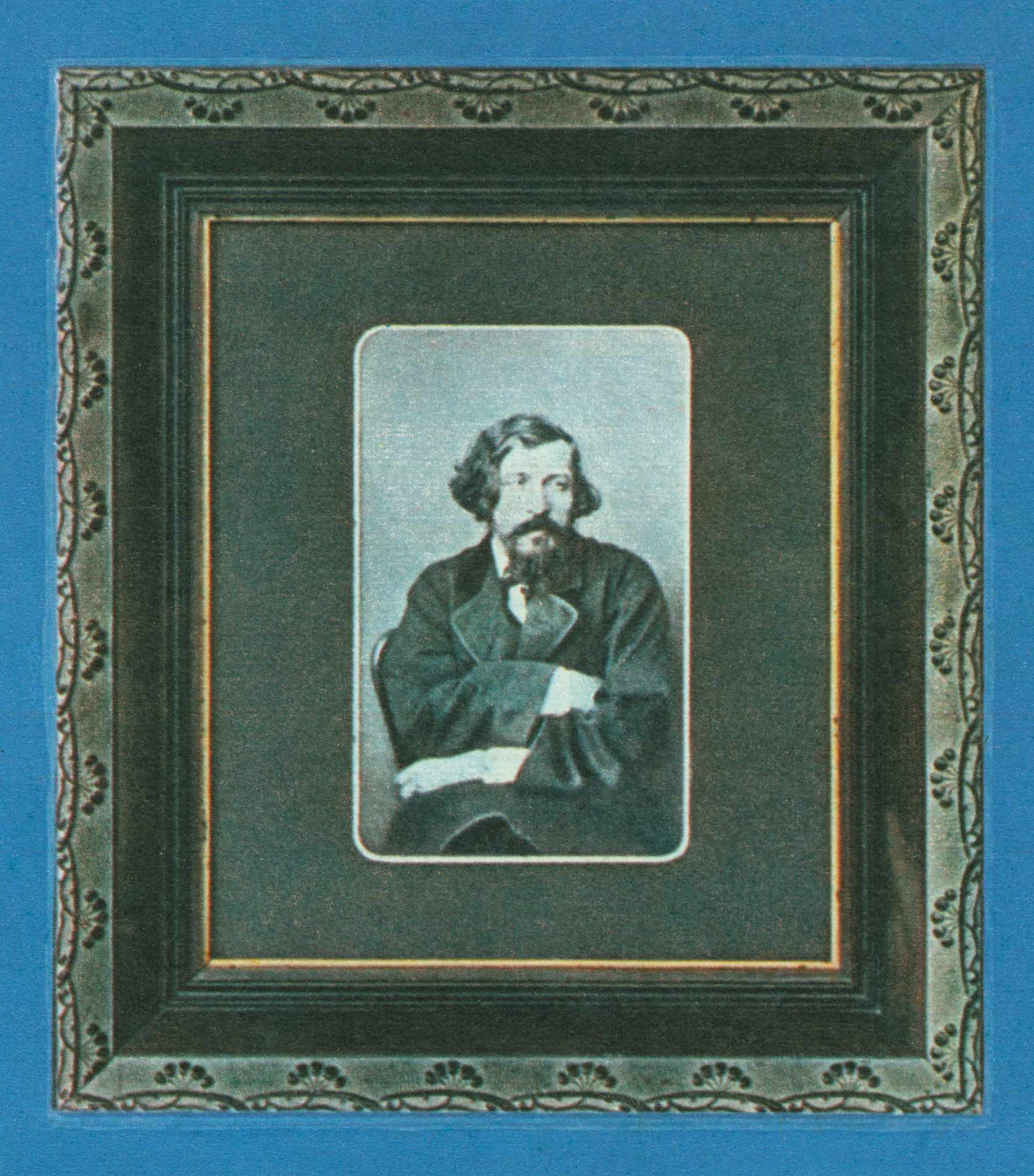
Фото И. Тункеля.

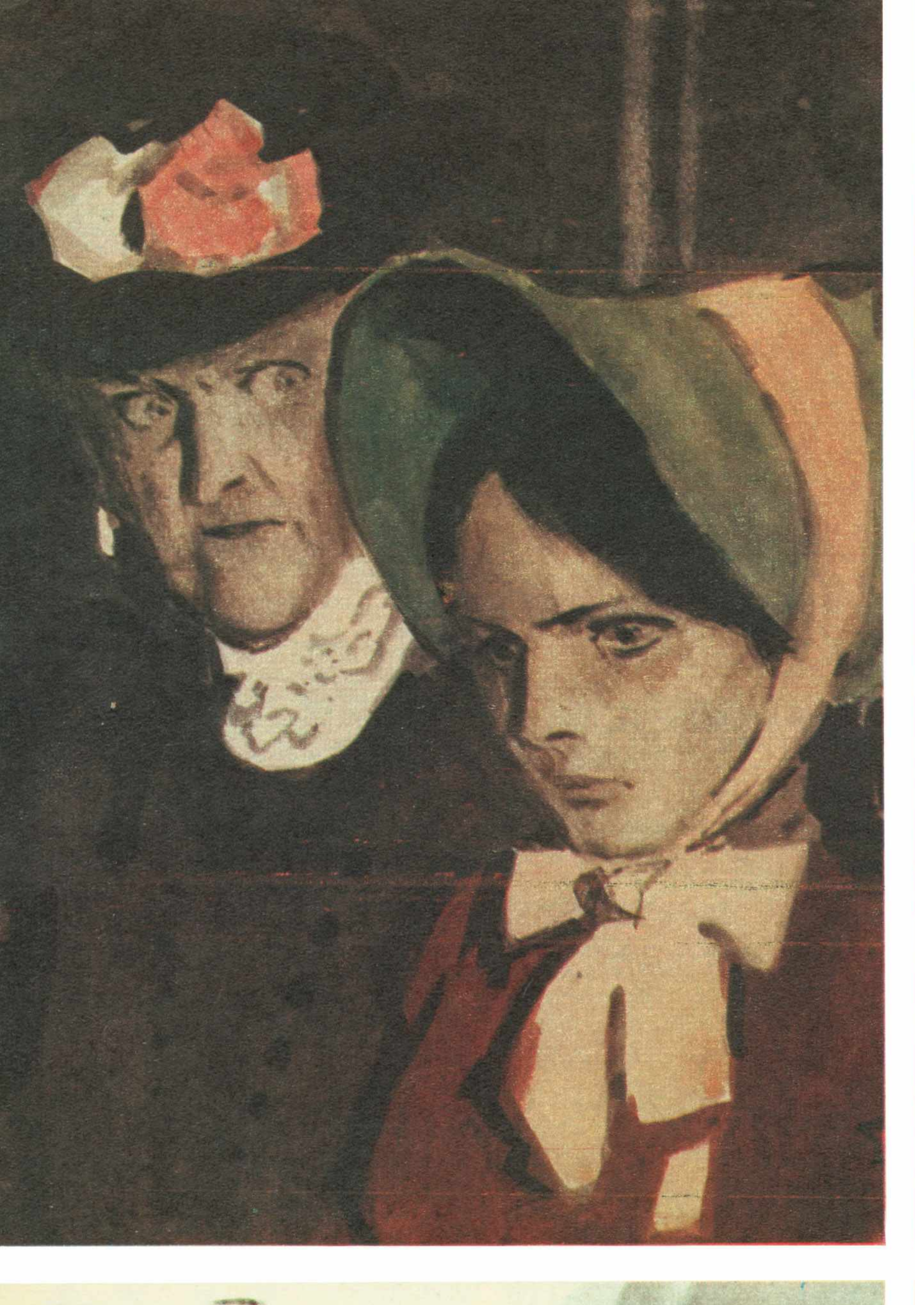

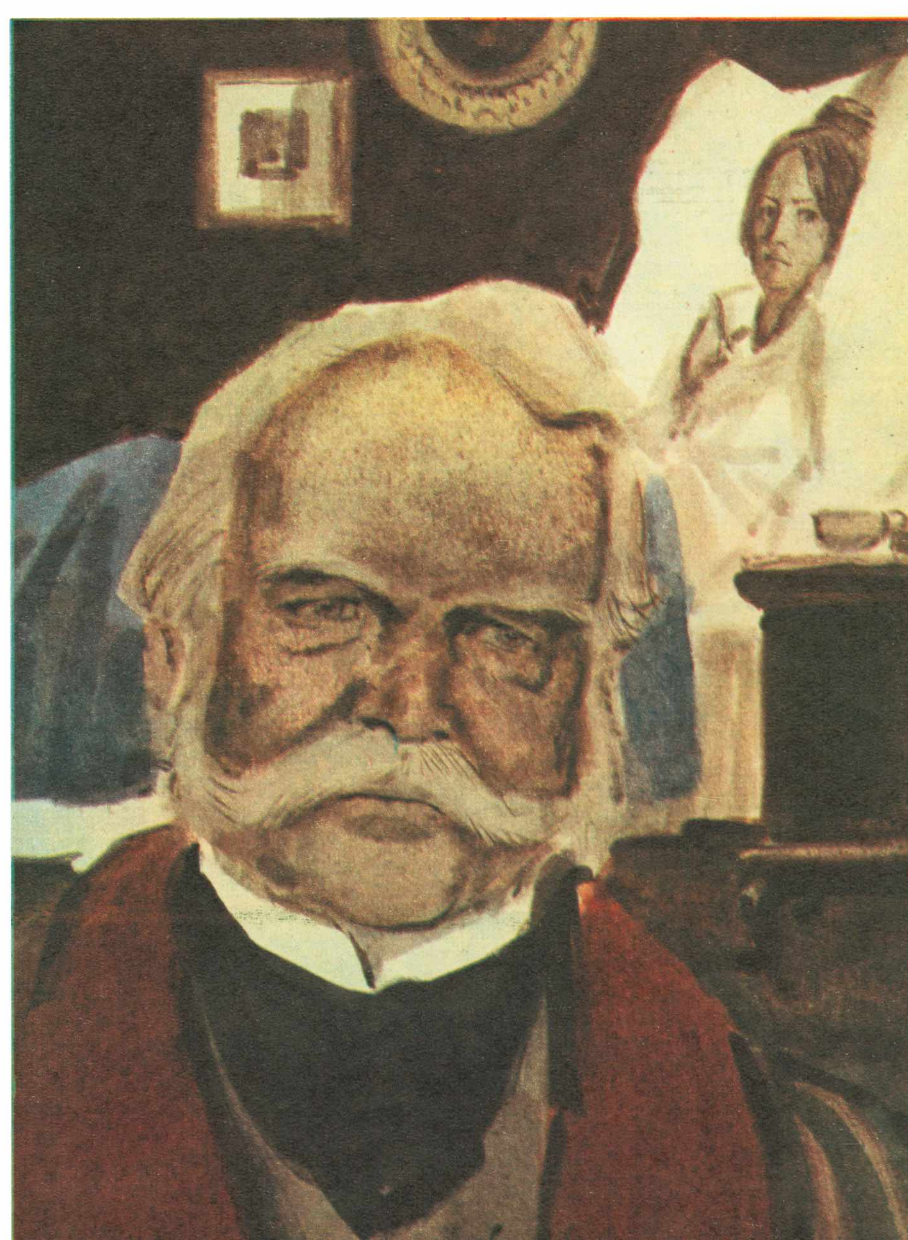

ДЕЛО
ЧЕРНЫШЕВ-
СКОГО

* * *

Николай Гаврилович Чернышевский родился 24 июля 1828 года в Саратове в семье священника, предки которого были крепостными. Деревянный дом с мезонином — свидетель его детских забав и отрочества — и по сей день стоит на берегу великой русской реки. Волга, провинциальный Саратов, патриархальная семья среднего достатка стали колыбелью будущего ученого и революционера.

В семье Чернышевских почиталась книга. Отец — Гавриил Иванович — был не просто священником Сергиевского прихода. Смолоду он учительствовал и возглавлял библиотеку в Пензе, преподавал древние языки и историю в духовном училище, в Саратовском пансионе благородных девиц. Пристрастившийся к чтению Н. Г. Чернышевский находил в библиотеке отца не только «Историю государства Российского» Карамзина, «Историю римского народа» Роллена и самих римских классиков, но и «свежие томы сочинений Пушкина, Жуковского, Гоголя».

«Я сделался библиофагом, пожирателем книг, очень рано»,— запишет позднее Чернышевский. Общение с книгой стало для него необходимостью, страстью на всю жизнь.

Атмосфера тогдашнего Саратова давала разную пищу пытливому уму. Прямо под окнами дома по Сергиевской — Царицынской улице шагал ссыльный крепостной люд после подавления народных крестьянских «беспорядков», «картофельных бунтов», побегов от помещиков. Мальчику Чернышевскому близко пришлось познакомиться с самодурством и невежеством саратовских купцов, с жалкой участью мелкого чиновничества, с голодной и забитой братией семинаристов-бурсаков.

Целый университет жизни предоставила Волга, сложный быт ее берегов, с караванами русских и заезжих судов, с ватагами бурлаков и грузчиков, с разноплеменным говором, с удалой и непосильной работой, с лихим кулачным боем и горькой, словно жалоба, песней. Позднее, уже находясь в Петропавловской крепости, Н. Г. Чернышевский напишет в «Автобиографии»: «...Берег играл важную роль в жизни ребенка, это разумеется... Окна дома, в котором жили мы, выходили на Волгу. Все она и она перед глазами,— и не любуешься, а полюбишь. Славная река, что говорить».

Окружавшая с детства среда давала не только тяжкие картины нищеты и бесправия народного, горя и страданий голытьбы, но убеждала в жизненной мудрости простого человека, его благородстве и нераскрытых возможностях. Будоражили фантазию рассказы тех, кто помнил грозную пугачевщину или передавал завещанные прадедами легенды о Стеньке Разине. С каждой улицы Саратова и из окон Чернышевских видна была знаменитая Соколова гора. Народная молва прочно поселила там стан Пугачева, где принимал он когда-то вестников безоговорочной сдачи города. Синеющий справа от выходящего во двор балкона далекий мыс и Зеленый остров, что лежит перед глазами посреди Волги, тоже не были обойдены сказаниями о казачьей вольнице.

Великая река стала важной частью биографии Николая Гавриловича, олицетворением могучих, но скованных цепями рабства народных сил. Не случайно и в творчестве Чернышевского Волга играет такую роль. Богатырские возможности народа отражены в образе былинного волжского бурлака Никитушки Ломова, а автобиографичный в своей основе главный герой «Пролога» наречен фамилией Волгин.

Отец Чернышевского, человек высококультурный и для своего сословия настроенный весьма демократически, сумел привить сыну горячую любовь к знаниям и пробудить его необыкновенные лингвистические способности. В двенадцать лет Н. Г. Чернышевский читал в подлиннике Цицерона. К моменту поступления в Саратовскую духовную семинарию он уже преуспел в изучении ряда языков. Лингвистические познания позволили выработать особый шифр — скоропись, которой Чернышевский пользовался для записей, не предназначенных чужому глазу.

Когда юноша Чернышевский, преодолев угрозу претившей ему духовной карьеры, отправился в 1846 году для поступления в Петербургский университет, его ученый багаж, помимо обширных знаний в области истории, литературы и естествознания, составляли французский, немецкий, английский, греческий, латинский, арабский, персидский, древнееврейский, татарский и польский языки. Большинство из них он знал хорошо. На латыни, например, вел переписку со своим отцом.

А чтобы представить себе тот незаурядный духовный заряд, то необыкновенно высокое жизненное кредо, с которым провинциальный юноша прибыл на берега Невы, достаточно вспомнить строки из письма только что поступившего в университет студента к своему двоюродному брату А. Н. Пыпину в родной Саратов: «Решимся твердо, всею силою души, содействовать тому, чтобы прекратилась эта эпоха, в которую наука была чуждою жизни духовной нашей, чтобы она перестала быть чужим кафтаном, печальным безличьем обезьянства для нас. Пусть и Россия внесет то, что должна внести в жизнь духовную мира... выступит мощно, самобытно и спасительно для человечества... И да свершится чрез нас хоть частию это великое событие!..

Содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества — что может быть выше и вожделеннее этого?»

Студенческие годы были не просто годами накопления знаний, их количественным и качественным ростом. Они стали временем коренной перепашки всего мировоззрения Н. Г. Чернышевского. Весь взрывчатый материал наблюдений над несовершенством окружающего мира, «гнусной российской действительностью», мысли «о страданиях людей» как бы катализировались революционными событиями 1848—1849 годов на Западе, ростом оппозиционных настроений среди интеллигенции, движением петрашевцев, с некоторыми из которых юноша Чернышевский был знаком лично.

То, что первоначально наслаивалось в сознании Чернышевского, подобно молекулам мягкого и податливого графита, в условиях сгущавшегося в передовых слоях Петербурга революционного климата перестраивалось и укладывалось в непреклонные понятия алмазной крепости. То, что для многих его сверстников было лишь мимолетным увлечением, грехами молодости, не помешавшими в дальнейшем служебному рвению и благонамеренности «применительно к подлости», для Чернышевского выливалось в твердые убеждения самостоятельного мыслителя, последовательного материалиста, революционера-демократа. В его дневниках той поры уже сформулированы чеканные принципы новой революционной морали, убеждений, которым он неуклонно следовал всю свою нелегкую жизнь. Уже находящийся в лапах III отделения Чернышевский писал в «Автобиографии»: «А ведь, однако же, то, что было в детстве, еще сильнее стало во мне в молодости, и с той поры не ослабело, остается до сих пор. Авось и в старике во мне сохранится все то хорошее, что было в юноше».

Дневник Чернышевского периода окончания студенчества — это целая лаборатория стремительной, но весьма обстоятельной выработки нового мировоззрения. Он самый строгий судия своим прежним научным, общественным, этическим представлениям, которые судит нелицеприятно. Оценивая недавние свои политические суждения, Чернышевский записал в дневнике 20 января 1850 года: «...Тогда я был еще того мнения, что абсолютизм имеет естественное стремление препятствовать высшим классам угнетать низшие, что это противоположность аристократии.— А теперь я решительно убежден в противном — монарх, и тем более абсолютный монарх,— только завершение аристократической иерархии, душою и телом принадлежащее к ней. Это все равно, что вершина конуса аристократии... Итак, теперь я говорю: погибни, чем скорее, тем лучше...» И это отнюдь не общетеоретические рассуждения книжного плана, потому что несколькими строками ниже читаем уже совсем конкретную постановку вопроса: «Вот мой образ мысли о России: неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее...»

О периоде становления великого демократа хорошо и образно сказал А. В. Луначарский: «Чернышевский получил сначала религиозное воспитание, имел глубоко религиозных отца и мать, учился в духовной семинарии, но необыкновенно быстро стряхнул с себя все эти детские пеленки и, идя вперед изумительно большими шагами (правда, по тропе, уже протоjá протоptoренной до него Белинским), дошел до действительно передового авангарда тогдашней философской мысли (Фейербаха) и до авангарда мысли политической, сделавшись последовательным, убежденным, теоретически и практически работающим социалистом».

* * *

По окончании университета Н. Г. Чернышевский был направлен в Саратов в качестве старшего учителя русской словесности губернской гимназии.

Он приехал в родной город в начале апреля 1851 года, полный надежд, научных и педагогических замыслов, только одному ему ведомых неисчерпаемых духовных сил и возможностей. А кругом все было прежним: милый отцовский дом с мезонином, добрые, любящие родители, правда, немного озадаченные переменами в сыне, стайки ребят над бегущими по крутому Бабушкиному взводу ручьями, строгое и даже нарядное с виду, но ветхое и неудобное внутри здание Саратовской гимназии, где предстояла серьезная проба сил. Только Волга с ее размахом и ширью, с ледяным грохотом весеннего половодья тревожно импонировала новому настроению молодого учителя.

Существует мнение, что революционно-просветительская деятельность молодого Чернышевского началась после возвращения в Петербург. Она связывается с сотрудничеством в столичных журналах. Но к восьми годам его труда сеятеля передовых идей средствами печати могут быть смело прибавлены два года революционно-педагогической работы в Саратове.

Менее чем через два месяца после приезда в письме к М. И. Михайлову Н. Г. Чернышевский писал: «Вы помните, что я был поглощен политикою, так что ничто, кроме ее, и не занимало меня — теперь продолжается то же самое, и не ослабевает, а разве усиливается, так что я могу сказать о политике...

...У верной памяти моей
Одна ты, царственная дума».

По натуре своей Чернышевский был человеком, убеждения и представления которого переливались в практические дела, поступки, действия. Революционные настроения сразу же сказались в педагогической деятельности нового преподавателя гимназии.

Тогдашний директор Саратовской гимназии, невежественный и педантичный службист Мейер, гордился верноподданническим духом, казарменным режимом, царившим во вверенном ему учебном заведении. «Березовая каша» — наказание учеников розгами — была непреложным правилом здешней педагогики. Роль экзекутора с удовольствием исполнял по субботам лакействующий перед Мейером инспектор Ангерманн. Действовал даже специально утвержденный «прейскурант» для битья: за двойку гимназист получал по 10 розог, за единицу — 20.

И вдруг среди тупой зубрежки, наушничества и страха — спокойная, полная уважения к достоинству ученика манера нового учителя, его зажигательная, временами артистическая речь на уроках словесности, неведомые доселе тексты «Слова о полку Игореве», Гоголя и Гончарова, Пушкина и Лермонтова на занятиях по отечественной грамматике. Уроки Чернышевского скоро превратились в доверительное общение педагога с классами, выходившее далеко за пределы мертвящей официальной программы. «Живое слово и мышление» царили на занятиях с обеих сторон. Любовь к необыкновенному учителю стала всеобщей, гимназисты толпами окружали Николая Гавриловича на переменах, провожали до дома, охотно приходили пообщаться с ним в библиотеку гимназии, которую он вскоре добровольно возглавил. Многие ученики бывали в доме Чернышевских, подолгу засиживались в дружеских беседах с педагогом.

◀ **Рисунки П. Пинкисевича к новому изданию романа Н. Г. Чернышевского «Что делать!».**

Действия Чернышевского, его независимый нрав, острый, разящий язык, беседы с учениками на запретные темы о положении крестьянства и французской революции внушали подозрение и страх не только директору гимназии. Саратовский епископ Иоанникий и сам губернатор Кожевников присматривались к «богодерзкому» учителю.

«Какую свободу допускает у меня Чернышевский! — испуганно жаловался Мейер.— Он говорил ученикам о вреде крепостного права. Это вольнодумство и вольтерьянство! В Камчатку упекут меня за него!»

Педагогический посев Чернышевского в Саратове имел и скорые всходы и долговременные последствия. Многие процессы в стенах гимназии, начатые недолгим его пребыванием, носили необратимый характер. Дух творческого подхода к науке, передовые идеи, высокие помыслы о судьбах Родины прочно укоренились в головах многих учеников. Из числа выпускников Саратовской гимназии вышло немало образованных, нужных для просвещения России людей. Некоторые принимали активное участие в революционном движении. «Дрожжи бунта», оставленные здесь Чернышевским, долгие годы давали о себе знать. В 1862 году, в год ареста великого демократа, в Саратовской гимназии возникли беспорядки, в городе появились воззвания. Источник крамолы представители охранки искали в вольнодумной гимназии.

Несмотря на весь размах и увлеченность педагогической деятельностью, Чернышевский не бросал научных занятий, готовился к магистерским экзаменам, был широко связан с передовой интеллигенцией Саратова. Заслуживает внимания характер и результат его широкого общения с Н. И. Костомаровым, сосланным на Волгу по делу Кирилло-Мефодиевского братства, в которое входили в свое время Тарас Шевченко и другие передовые люди Украины.

В годы революционной ситуации (1859—1861) дружившие в Саратове Чернышевский и Костомаров окажутся по разные стороны баррикад. Запутавшегося в славянофильских тенетах, либеральствующего религиозного профессора Чернышевский охарактеризует в конце жизни, как «бывшего приятеля, бегавшего от меня последнее время моей петербургской жизни». Но во время учительствования Николая Гавриловича они часто встречались, много и горячо спорили по разным вопросам исторической науки и общественной жизни. «...Я спорил, потому что это интересовало его.— Но обо многом судил он, по моему мнению, или совершенно правильно, или несравненно правильнее, чем большинство тогдашних русских ученых»,— писал Чернышевский.

Н. И. Костомаров был более чем на 10 лет старше Чернышевского, к тому времени имел уже имя в науке, но, по свидетельству очевидцев, обширные знания, убежденность и железная логика почти всегда давали перевес его молодому оппоненту. Как убедительно показывают работы советских исследователей наследия Чернышевского, для Костомарова это общение имело огромное значение. В спорах с Чернышевским либеральный историк укрепился в наиболее сильных сторонах своего мировоззрения, особенно в подходе к истории не как к цепи деятельности отдельных выдающихся личностей или учреждений, а как к истории народа, массы людей, истории народных обычаев и быта.

Чернышевский увлек Костомарова одной из наиболее важных в русской истории тем — темой крестьянской войны под руководством Степана Разина, вдохновил его на создание принципиальных работ, таких, как «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа», «Песни о Стеньке Разине», «Стенька Разин и удалые молодцы XVII века». Нет сомнения в том, что и наиболее выдающаяся работа Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина», сыгравшая известную роль в идеологическом обеспечении революционно-демократического движения в России и привлекшая пристальное внимание К. Маркса, была задумана и создана под непосредственным влиянием Н. Г. Чернышевского.

В 1853 году в жизни Чернышевского произошло важное событие — встреча с дочерью саратовского врача Ольгой Сократовной Васильевой, ставшей его женой и верным другом всей бурной, драматической жизни. Обстоятельства женитьбы Николая Гавриловича чрезвычайно красноречивы. Они ярчайшее доказательство незаурядности будущего вождя революционного движения, его моральной высоты, красоты этических побуждений, душевной тонкости и человеческой ответственности за судьбу избранницы, поскольку представление о счастье было неразрывно связано для него с необходимостью служения общественным идеалам.

Чернышевский услышал об Ольге Сократовне еще до личного знакомства. О ней говорили как о девушке смелой, искренней, как о «демократке». Говорили также, что ее домашние отношения тяжелы, что деспотическая мать тиранит девушку предрассудками. Заочные симпатии Николая Гавриловича подтвердились первыми же встречами с обаятельной, чуждой жеманства Оленькой. Непреклонный с политическими противниками, Чернышевский был отзывчив и нежен с близкими людьми, внимателен и чуток к друзьям. Очень характерна такая дневниковая запись: «Всякое несчастье, всякое горе заставляет меня более интересоваться человеком, усиливает мое расположение к нему. Если человек в радости, я радуюсь с ним. Но если он в горе, я полнее разделяю его горе, чем разделял его радость, я люблю его гораздо больше».

Душевная чуткость была первым толчком, развившим высокое чувство любви и привязанности к Ольге Сократовне. Но прежде чем сделать предложение избраннице, Чернышевский долго и мучительно обдумывал все обстоятельства и возможные последствия, поскольку был убежден, что путь революции, на который он бесповоротно стал, может принести страдания близким людям. «Дневник моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье» сохранил до нас трепетность и глубину их переживаний, серьезность и ответственность, с которой подходил молодой революционер к судьбе любимой женщины. Вот суть разговора, составившего идейную кульминацию их тогдашних отношений. Чернышевский поясняет Ольге Сократовне: то, что он думает и собирается делать, может кончиться каторгою или виселицей. «Вот видите, что я не могу соединить ничьей участи со своей».

«У меня такой образ мыслей, что я должен с минуты на минуту ждать, что вот явятся жандармы, отвезут меня в Петербург и посадят меня в крепость, бог знает, на сколько времени. Я делаю здесь такие вещи, которые пахнут каторгою — я такие вещи говорю в классе».

Ольга Сократовна: «Да, я слышала это».

«...Кроме того у нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем...»

«Вместе с Костомаровым?»

«Едва ли — он слишком благороден, поэтичен; его испугает грязь, резня. Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня».

«Не испугает и меня».

Но даже и этот категорический ответ невесты не успокаивает Чернышевского. Он напоминает ей о судьбе изгнанника Герцена (Искандера) и его жены. О страданиях и переживаниях последней. Только убедившись в твердой решимости невесты, только раскрыв ей все возможные трудности их будущей жизни, молодой революционер решился связать ее судьбу со своей. Наконец, сомнения отброшены. 5 марта 1853 года он сделал в дневнике такую запись: «Я хочу любить только одну во всю жизнь...

Я хочу, чтобы мое сердце не только после брака, но и раньше брака не принадлежало никому кроме той, которая будет моей женой... Пусть у меня будет одна любовь... Будь ты моей единственной любовью, если только это возможно, если только ты согласна!»

Ольга Сократовна согласна. Молодые люди строят планы, обдумывают будущее, обмениваются мнениями о существующем характере семейных отношений. В дневнике появляется запись разговора Н. Г. Чернышевского с невестой, в котором он заявлял: «По моим понятиям женщина занимает недостойное место в семействе. Меня возмущает всякое неравенство. Женщина должна быть равной мужчине».

В последующем мысли о равенстве женщины как непременном условии исторического прогресса и освобождения человечества прозвучат во множестве статей и особенно в знаменитом романе «Что делать?».

В апреле 1853 года состоялась свадьба Чернышевских, а вскоре они уехали в Петербург.

История послала Чернышевским только девять лет счастливой семейной жизни. Пророчество Чернышевского о судьбе, которая ожидает революционера, сбылось. Двадцать один год крепости, каторги, ссылки и шесть лет поднадзорной жизни в Астрахани были их общим уделом. Ольга Сократовна гордо несла все эти годы тяготы жены «государственного преступника», с великими трудами пробивалась к нему на свидания в Нерчинские рудники, воспитывала в сыновьях уважение к отцу, как могла, боролась за облегчение участи мужа. В последние годы она не только окружала Николая Гавриловича теплом и заботой, но и была деятельным помощником в его стремлении возобновить литературную работу.

До конца сохранил Чернышевский светлое чувство признательности и уважения к своему доброму другу и спутнице жизни.

Уже находясь в Петропавловской крепости, в октябре 1862 года Николай Гаврилович написал Ольге Сократовне такие гордые и пророческие строки: «...Наша с тобой жизнь принадлежит истории; пройдут сотни лет, а наши имена все еще будут милы людям; и будут вспоминать о нас с благодарностью, когда уже забудут почти всех, кто жил в одно время с нами. Так надобно же нам не уронить себя со стороны бодрости характера перед людьми, которые будут изучать нашу жизнь».

И Чернышевский не уронил себя ни во время гражданской казни, ни в Нерчинских рудниках, ни в чудовищной вилюйской ссылке. Двуглавый коршун царизма, как прикованного Прометея, десятки лет терзал его в ледяных пустынях тогдашней Сибири. Более чем тремя годами крепости, каторги, ссылки за каждый год работы в «Современнике» мстил царизм своему опасному врагу. Но непреклонной была его воля. Когда в 1874 году посулами близкой свободы власти попытались склонить измученного узника к подаче на «высочайшее имя» просьбы о помиловании, последовал короткий и твердый ответ: «Читал. От подачи прошения отказываюсь. Николай Чернышевский».

«Облегчение» произошло лишь в 1883 году, когда почти из-под Полярного круга Чернышевский был тайно перевезен в полупустынное пекло тогдашней Астрахани. В конце июня 1889 года после длительных хлопот семьи Чернышевский переезжает в Саратов. Прекрасной, но короткой была встреча с родными местами. Здоровье великого борца и страдальца было подорвано. 29 октября 1889 года Чернышевского не стало.

* * *

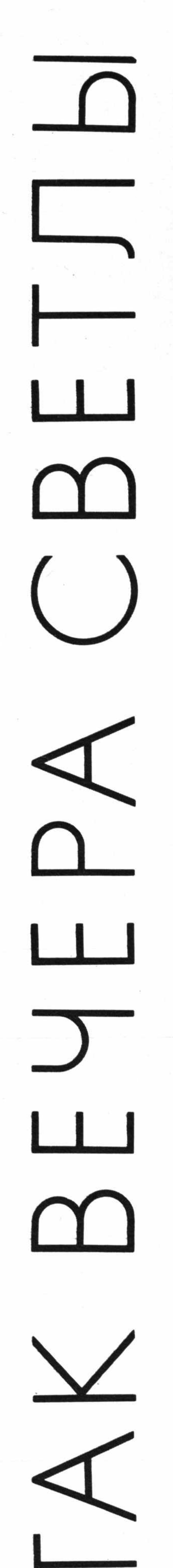
Ныне улица, на которой родился писатель, носит его имя, дом Чернышевских стал Государственным музеем. На одной из центральных площадей Саратова, против сада «Липки», по аллеям которого любил он гулять в последние месяцы жизни, высится замечательный памятник работы А. П. Кибальникова. Бронзовый Н. Г. Чернышевский, изображенный молодым и сильным, задумчиво смотрит с высокого пьедестала на новую жизнь, за которую боролся беззаветно и яростно...

Идут к дому Чернышевского сотни, тысячи людей, идут, чтобы глубже понять своего великого предтечу, удивительного человека, видевшего в ту далекую пору лучшее будущее своего народа, иную жизнь на берегах дивной реки России, звавшего поколения революционеров бороться за приближение нового, прекрасного времени.

Дом-музей Н. Г. Чернышевского не просто мемориальное место. Все годы своего существования это активный научный центр, ставший стимулятором глубинного изучения наследия Николая Гавриловича, собирания документов, материалов, издательской деятельности.

Основателем музея стал младший сын Чернышевского Михаил Николаевич. Долгие годы творческий коллектив музея возглавлялся замечательным ученым, неутомимым пропагандистом жизни и творчества своего великого деда Ниной Михайловной Чернышевской.

Николай Гаврилович Чернышевский — национальная гордость русского народа, духовное наследие выдающегося мыслителя и борца — достояние всех советских людей, всего передового человечества.

Евгений **АНТОШКИН**

* * *

Стихи рождаются из снов,
Из кратких утренних видений,
Еще не познан мир и нов,
Еще не вышел он из тени.
Еще не смог перемешать
Мелькнувший луч огни восхода.
Еще во власти сна душа,
И сладок миг ее полета.
Что в этом мире ты найдешь?
Все для тебя пока что тайна.
И ты на зов его идешь,
А он становится бескрайней.
Тебе его не разбудить.
Он сам в кипенье дня
проснется.
Представь,
Что жизнь вся впереди
В ее извечном первородстве.

ШАХМАТОВО

Снова затеяли свадьбы
В кронах корявых грачи.
Тенью забытой усадьбы
Ветер пролетный кричит.

У нераскрытых окон
Робко толпится народ...
Смотрят глазами Блока
То василек,
То осот.

И за кустом крушины
Так вечера светлы —
Притормозят машины,
Пыль отряхнет полынь.

Ласточка в небо высоко
Из любопытства вспорхнет.
— Как, вы приехали к Блоку?..
Он здесь давно не живет!

Там,
Где стояла ограда,
Лес свой роняет наряд.
Ветви уснувшего сада
Яблоком солнца горят.

* * *

Когда вечерняя луна
Заросшего коснется тына,
В окошко кажется: она
Из веток соткана,
Из дыма.
Крутящийся во мгле клубок
Алмазной опушен порошей.
И легок небосвод, глубок
С такою драгоценной ношей.

Разгадывая суть веков,
Над водью
И материками
Летит луна меж облаков,
Как брошенный
Вселенной
камень.

Пылает огненно из тьмы,
Где тайной бредит
Мирозданье.
Как будто
Это смотрим мы
Через века
И расстоянья.

* * *

Летний праздник —
Сенокошенье:
Где косилкой,
А где косой...
И как всей земли украшенье —
Травы, высветленные росой.
Перед всеми мирами открытый,
У тропинок
И у дорог,
Он стоит на земле обжитой —
Клеверами пропахший стог,
Избалованный щедрым летом,
Солнцем выласканный не зря.
И проходят над ним планеты
И созвездия ярко горят.
Край родной —
Перелески, и нивы,
И плывущие встречь зеленя.
Ты своею любовью ранимой
Бережешь и лелеешь меня.
И по духу я твой
И по крови —
Ты в полон меня сразу берешь.
И щекочет мне щеки и брови
Желтой пудрой
Цветущая рожь.

* * *

В. Н. Ильину.

Косец с утра идет на пожню,
Спешит строитель на этаж.
О чем ты думаешь,
Художник,
В руке сжимая карандаш?

И слух работает и зренье,
И чувств необъясним поток.
Какое к черту озаренье,
Когда ты от работы взмок?

Все можно схемой обозначить,
Когда талант беспечно спит.
Попробуй жизнь переиначить
Или от правды отступить.

От ясновидящей науки
Не воспарит сама душа —
Душевные сначала муки,
Потом полет карандаша.

РУЧЕЙ

Ручей то плачет,
То хохочет,
Как будто
Рассказать что хочет.
А у реки еще ручьи.
Мы к ним.
Они: «Вы кто?
Вы чьи?»
А ты небрежно кеды скинул:
— Хочу, мол, вброд,
Хочу и вплавь!..
Но вдруг кипящая лавина
Все тело молнией ожгла.

Самоуверенный всезнайка,
Попробуй лучше разгадай-ка

Речь возбужденного ручья,
Когда бежит он лопоча.

Ее он пестовал веками,
В рожок свой водяной трубя.
Он скалы шлифовал и камни,
Когда и не было тебя.

* * *

Птиц весенний прилет...
Слышен радостный крик на поляне.
Птицы пробуют лед,
Ходят важные,
Как марсиане.

Снег исчез, как мираж.
И снегурки-коньки
Отскользили.
Нынче вешний пейзаж,
А вчера был
Заснеженно-зимний.

Для хороших вестей
Снова солнечный день расцветает.
И апрель-грамотей
Под окошком
Капели считает.

И опять у окна
Я внимаю знакомому звуку.
Что несешь ты, весна?..
И тепло, и любовь,
и разлуку.

И, светясь изнутри,
Ты струишь свет далекий,
далекий...
Свет и горечь земли —
Все в твои запоздалые сроки.

* * *

Опять ко мне идет издалека
Дорога вьюжная:
Ни хлеба
И ни крова.
И запахом дурманя молока,
Везет подводу не спеша корова.

Гремит давно промерзшее ведро...
Буренка молока давала мало,
И только по-коровьему мудро
В ответ протяжно, жалобно мычала.

И в забытьи, слюну роняя, шла,
Покуда у нее была силенка.
И как-то у безвестного села
Нам подарила рыжего теленка.

Ей ноги крупка снежная сожгла,
Когда она бессильная лежала,
Она его от стужи берегла
И лежа
Теплым языком лизала.

Она смотрела жалобно на всех...
Там впереди
И вьюги
И морозы,
И прожигали почерневший снег
Соленые ее
Коровьи слезы.

УРОКИ ДЕЛОВИТОСТИ

К. БАРЫКИН,
И. ТУНКЕЛЬ

Передовые методы труда. Повышение его производительности. Эти понятия мы чаще всего связываем с цехом завода, с колхозной нивой. И при этом нередко забываются конструкторский отдел, бухгалтерия, управленческие службы...

Забываются! Не всюду. Вот уже не первый год в Госснабе СССР и его многочисленных подразделениях ведут большую работу по модернизации и современному оснащению управленческого труда.

По просьбе редакции журнала «Огонек» некоторые соображения о роли научной организации труда в целом и, в частности, оргтехники в управлении экономикой высказывает

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОССНАБА СССР В. Э. ДЫМШИЦ.

— Внедрение научной организации труда и современной оргтехники в управленческие службы всех отраслей хозяйства имеет большое народнохозяйственное значение. Конечно, важно вести работу по унификации и сокращению количества различных документов, отчетов, писем и других деловых бумаг. Однако ни одна отрасль хозяйства, ни одна организация и предприятие не могут обойтись без минимальной документации, связанной с отчетностью, информацией и различной оперативной работой.

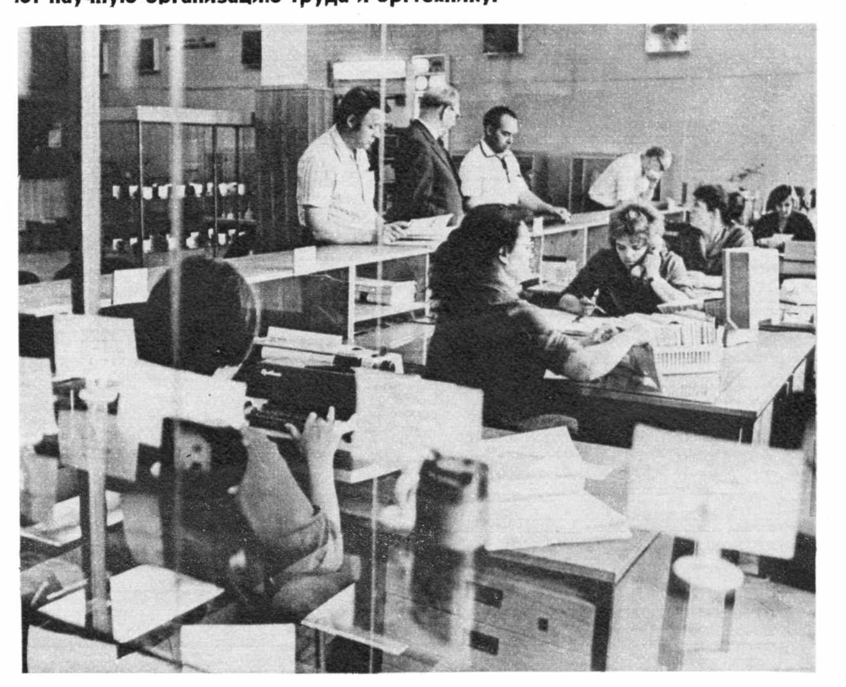
Ежегодный оборот документов в нашей стране исчисляется, вероятно, многими миллионами писем, отчетов, сводок, протоколов, решений, обязательств и планов, — всем тем, что объединяется понятием «деловая бумага».

При наших масштабах хозяйства, когда миллионы служащих различных специальностей заняты в сфере управленческой деятельности, совсем небезразлично, как организован их труд. Это в большой мере относится к организации труда служащих и специалистов системы материально-технического снабжения, которые ведут огромную работу по оформлению заказов, выдаче нарядов на поставку различной продукции производственно-технического назначения, номенклатура которой исчисляется десятками и даже сотнями тысяч наименований, ведут учет поставок и запасов. К этому надо добавить необходимость четкого учета и контроля за поставками, необходимость принять оптимальные решения, в том числе по перевозкам, и необходимость переработки большой массы различной информации. Эти разнохарактерные, очень ответственные и важные виды деятельности служащих требуют хорошо продуманной организации их рабочего места, оснащения оргтехникой, средствами вычислительной техники, соответствующей мебелью и создания других хороших условий для удобной, производительной работы. Наряду с широким внедрением в практику электронно-вычислительной техники и созданием сети машиносчетных станций большую помощь в решении этих вопросов оказывают специально созданные для этого службы Госснаба СССР и, в частности, рижское производственно-техническое объединение «НОТснаб», где сегодня трудится коллектив квалифицированных и инициативных специалистов.

Рациональное использование оргтехники позволяет повысить производительность труда, в значительной мере освободить работников снабжения от выполнения вручную огромной работы по оформлению документации и расчетам и уделить больше внимания творческой работе по рациональному использованию материальных ресурсов, вовлечению в народнохозяйственный оборот неустановленного оборудования и сверхнормативных запасов.

Ручная обработка потока информации, которая сейчас выполняется с помощью машин, потребовала бы дополнительно несколько тысяч работников. Применению машин предшествовало проведе-

Магазин оптовой торговли электроприборов; здесь широко применяют научную организацию труда и оргтехнику.

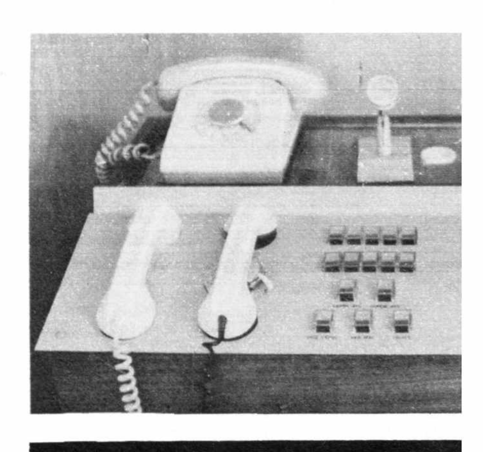

1

2

1 Так выглядит теперь одно из рабочих помещений «Союзглавстройматериалов».

2 Просто и удобно.

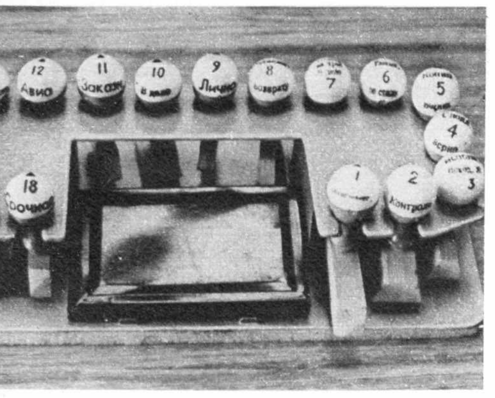
3 А это совет, как организовать машинописные работы.

4 Вся связь — на одном пульте.

5 Рабочее место секретаря.

6 Все данные — в картотеке.

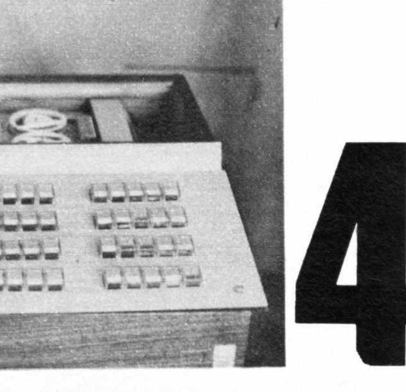

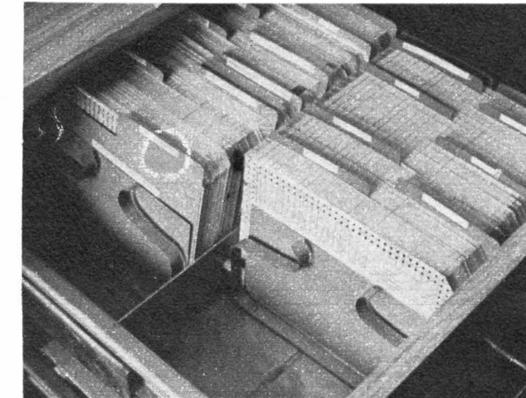

4

ние большой подготовительной работы по унификации документации, позволившей не только приспособить новые формы для машинной обработки, но и во много раз сократить их количество. Вместо действовавших 1 015 различных форм нарядов, заказов, накладных оставлено только 37 унифицированных, пригодных для машинной обработки. Замена, например, только 5 существовавших ранее форм одной товарно-транспортной накладной обеспечила изъятие из оборота более десяти миллионов документов.

В Директивах XXIV съезда КПСС говорится о необходимости обеспечить широкое применение оргтехники. В этой части нами уже немало сделано. Но все же это — только начало. Оргтехника должна развиваться темпами, отвечающими размаху нашей грандиозной программы народнохозяйственного строительства. «По-новому подходим мы теперь, в частности, и к работе, связанной со сбором, быстрой обработкой и анализом информации. Здесь широкое применение получает новейшая электронно-вычислительная и организационная техника», — сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, выступая при вручении ордена Ленина Харьковскому тракторному заводу.

Вопросы комплексного решения задач по внедрению электронно-вычислительной, машиносчетной и организационной техники, о которых говорил товарищ Л. И. Брежнев, поставлены и решаются в системе Госснаба СССР и его организаций на местах как важные задачи улучшения и совершенствования всей работы по материально-техническому снабжению народного хозяйства. Уже созданы и работают 37 электронно-вычислительных центров и 67 машиносчетных станций, ведется и будет расширяться работа по широкому внедрению средств оргтехники. И мы уже сейчас начинаем ощущать высокую эффективность этой работы.

Думаю, что проводимая нами работа по внедрению оргтехники была бы полезна для очень многих организаций и министерств.

* * *

КРУПНЫЕ «МЕЛОЧИ»

...Корреспонденты «Огонька» отправились в Ригу, в «НОТснаб».

— Мы работаем на время, а оно — на нас, — начал разговор директор Рижского производственно-технического объединения Петр Никанорович Вдовенко.

Беседуем мы в его кабинете. Вдовенко пригласил нас и главного инженера Яна Оттовича Гатера к столу, за которым обычно проводятся небольшие летучие совещания. Разговариваем, но нет-нет да посмотрим на рабочее место директора объединения: непривычно оно оборудовано. На столе — разноцветные лотки для бумаг. Срочные — в лотке ярком; в светлом, спокойного тона — текущие, не требующие немедленного действия.

Письменный прибор, несколько папок: «На подпись», «Первоочередное», «Исполненное» — с точными, не дающими возможности разного толкования надписями. Слева от стола, в специальной приставке, — диктофон и телефонный селектор, подручная картотека; разработанный здесь же, в конструкторском бюро, универсальный концентратор оперативной связи и другие приспособления. Рационально, удобно. По ходу нашей беседы Вдовенко потребовалось получить справку. Он не набирал телефонный номер, нажал кнопку селектора. И поговорил.

Позже, когда мы пойдем в лабораторию, в отделы и мастерские объединения, директор по тому же телефону мгновенно соединится с начальниками отделов.

— К вам идут корреспонденты «Огонька». Расскажите и покажите им все: и то, что уже сделано, и еще не доработанное.

Мы знакомились с людьми, которые конструируют и ежегодно

выпускают около 4 тысяч комплектов добротно оснащенных рабочих мест для канцелярий. Да, да для тех самых служащих, о которых иногда услышишь ироническое — «канцелярист». А их очень много, людей, без которых и завод не завод. Только технических секретарей у нас более 130 тысяч. А делопроизводителей — 535 тысяч. Темп и характер их работы претерпели существенные перемены — жизнь обязывает! А вот инструментарием они нередко оснащены все тем же — вырывной настольный календарь, авторучка, плохонькая пишущая машинка.

Обойдены современным профессиональным инструментом директора предприятий, главные экономисты, начальники главков, бухгалтеры, машинистки, инспектора, инженеры, диспетчеры, конструкторы... А ученый и журналист, экономист и социолог, издательские редакторы, архивариусы, библиотекари? Кто думает об их технической вооруженности? Ведет свои разработки Всесоюзный научно-исследовательский институт оргтехники. Но заводы Союзоргтехники иногда охотнее берутся не за то, что нужно, а за то, что полегче, что отдачу дает поскорее. До сей поры нет хорошей портативной пишущей машинки, нет картотек, приспособлений для машинописных бюро. Нет... Впрочем, мы же говорим не о том, чего нет...

На этом фоне работы отдела научной организации труда Госснаба и конкретные предложения рижан особенно ощутимы. Здесь, в Риге, занимаются рациональной организацией рабочих мест в целом, комплексно. В основу рекомендаций положены оптимальная планировка помещений, применение современного инструментария, наиболее удобное размещение средств оргтехники.

Как, например, выглядит рабочее место делопроизводителя-секретаря? Посмотрите, позавидуйте. На столе и в специальном шкафу — комбинированный канцелярский прибор, перекидной календарь, лоток для чистой бумаги, контрольная картотека, абонентский телефонный аппарат типа «Балсс-2» (тоже местной разработки), папка-регистратор, папка с быстродействующим зажимом (никаких дыроколов: щелк — и бумага принята на хранение. Секунда? Меньше!), картотеки — учетно-контрольные и авторские, папки подвесного хранения документов и материалов, скоросшиватель, комплект канцелярских принадлежностей, полка, сшиватель документов, конвертовскрыватель, нумератор.

Подсчитано, что создание 100 подобных типовых рабочих мест — для бюро, для кабинетов, для канцелярий — даст экономию около 14 тысяч часов рабочего времени в год.

Сейчас в Госснабе СССР созданы условия для внедрения в течение ближайших 3—4 лет единой системы организации управленческого труда. С продуманным, широким применением средств оргтехники. Это позволит освободить от непроизводительной, механической работы 20 тысяч человек. В итоге экономятся миллионы рублей, сводится до минимума нетворческая работа, освобождается время высококвалифицированных специалистов.

Экономисты подсчитали: на каждого рабочего сейчас приходится в 10—12 раз больше орудий труда, чем на инженера. Рижане и пытаются сократить этот разрыв. Они предлагают экономисту, инженеру, конструктору, руководителю предприятия — картотеки, телефонный селектор, средства хранения магнитных лент для ЭВМ, удобнейшие стулья, великолепные в своей простоте и рациональности письменные столы, папки... Мелочи? Собранные воедино, они дают разительный эффект. Подсчитано, что обычные, с тесемками, папки требуют на «завяжи-развяжи» столько времени, что в инженерном коллективе из 40 человек один будто только и делает, что весь день развязывает и завязывает тесемки. Отказались рижане от таких папок. Сделали более простые и удобные.

Или занавески на окнах — пустячное вроде бы дело. Но вот в комнатах, смотрящих на южную сторону, повесили светлые шторы — и прохладнее стало в помещении, выровнялась температура; занавеси отражают солнечные лучи, не пускают их в помещение. Да и работать стало приятнее! Результат — повысилась производительность труда конструктора, делопроизводителя, бухгалтера... Перед нами стол для пишущей машинки. В переднем, плоском его ящике — отделения для бумаги и копирки, для ластика и скрепок, а сбоку — выдвижная доска для перепечатываемой рукописи. Столик передвижной, но если вы сели работать, нажмите педаль — и он замрет, как вкопанный.

Все эти вещи выпускают в Латвии. Увы, пока еще небольшими «тиражами» — мала производственная база. Мы уже сказали — 4 тысячи комплектов в год. А ежегодная потребность страны — более 200 тысяч. Назрела необходимость создать крупносерийное производство средств оргтехники, конторской мебели — всего того, что стояло бы на уровне новых, высоких требований к труду работников сферы управления.

В Риге Госснабом СССР создана проверенная и успешно внедренная методика организации административно-хозяйственной диспетчерской и оперативной связи. Трудно подсчитать в рублях приносимую ею выгоду. Но известно, что такая система в коллективе до 50 человек за день сберегает около десяти часов.

Рационализации поддается и деловая переписка. Согласитесь, письмо о том, что заказ на гвозди принят и выполняется, не требует эмоций. Да они и нежелательны в письме, которое несет лишь сумму информации. Научная организация труда и здесь сказала свое слово: все заметнее тенденция к унифицированным, лаконичным деловым письмам. Один из видных наших специалистов в области организации управленческого труда, профессор Л. Качалина, рассказывает, что за рубежом есть варианты упрощенного делового письма: «1. Весь материал излагается без красных строк. 2. Параграфы не выделяются. 3. Обращение («Уважаемый!..») и завершающее обращение («С совершенным почтением») опускаются. 4. Тема (краткое содержание письма) пишется большими буквами в верхней части листа. 5. Язык и содержание письма упрощаются». Подсчитано, замечает Л. Качалина, что применение подобных писем сокращает расходы и время при обработке корреспонденции на 11 процентов.

В рижском «НОТснабе» тоже разработаны унифицированные бланки — этакий деловой письмовник. Они удобны и заметно облегчают работу по составлению писем. В объединении созданы блокноты-трафареты — подбор типовых, наиболее часто встречающихся сообщений. В них отсутствуют лишь данные индивидуального характера — достаточно впечатать их. И письмо готово.

Не сегодня замечено, что папка или деловые бумаги, лежащие на дне ящика письменного стола, выбывают из обращения — когда-то до них доберешься? О таких бумагах чаще всего забывают. Лишь при основательной уборке стола находят: «Вот ведь куда спряталась, а я ищу...»

Рижане позаботились о рациональном хранении документов. В столах папки не лежат одна на другой, а подвешены: открываешь ящик и сразу видишь, где какая. А еще быстрее помогают добраться до нужной бумаги укрепленные на папках пластмассовые красные, синие, зеленые «наездники»-индексы. Чем оперативнее бумага, тем ярче, заметнее, беспокойнее цвет индекса.

— Но если бы рижане ограничились только такими эффективными «мелочами», они сделали бы полдела, а может, и менее того,— замечает руководитель отдела НОТ Госснаба СССР, инженер А. А. Алешин.— Там создали целые комплексы средств и изделий оргтехники, объединили их в системы.

В Москве мы беседовали с начальником управления «Союзглавстройматериалы» А. П. Березиным,— руководимая им организация уже применяет у себя не только отдельные рекомендации рижан, но и предложенные ими комплексы: от технологии работы с деловой бумагой до отделки помещений звукопоглощающими материалами. Спросили:

— Какова эффективность этих новшеств?

— В последние годы объем работы у нас увеличился в три раза, а выполняется она тем же составом сотрудников. Это и есть ответ на ваш вопрос. Добавьте к этому повышение культуры работы, она выполняется более четко и, я бы сказал, более красиво.

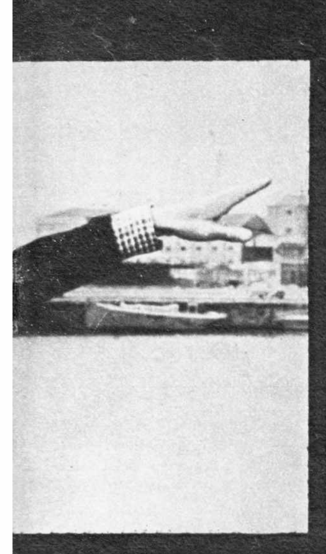
...Если верно утверждение: «Стиль — это человек»,— то есть смысл вспомнить, что само слово «стиль» берет начало от названия инструмента — «стило». Стиль работы в немалой степени определяется инструментом, которым пользуется тот или иной человек. От того, насколько этот инструмент удобен и хорош, тоже зависит становление делового стиля. В отделе НОТ Госснаба СССР, в рижском производственно-техническом объединении «НОТснаб» решают одну из актуальных проблем нашего времени — проблему механизации, инструментализации труда людей, занятых в сфере управления. Не просто сказать, в какой мере механизация и автоматизация управленческого труда способствует увеличению в нем доли творческой работы. Но можно подсчитать, сколько денег мы теряем из-за отсталости в сфере оргтехники. А ведь еще П. М. Керженцев, один из организаторов НОТ в нашей стране, писал: «В конторе и в учреждении характер стола и стула часто определяет и качество работы...».

На лондонском карнавале.

Николай ПАСТУХОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

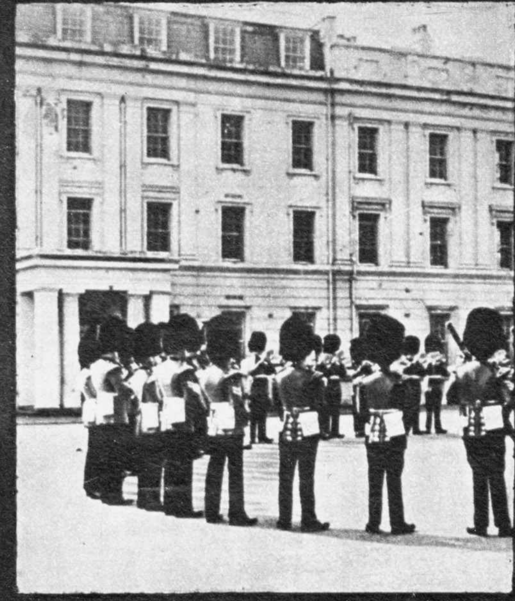
Фото автора.

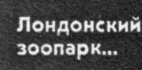
Джеймс Олдридж: «Я, как и миллионы других англичан, признаю символом моей родины вот такие творения, а не финансовый Сити».

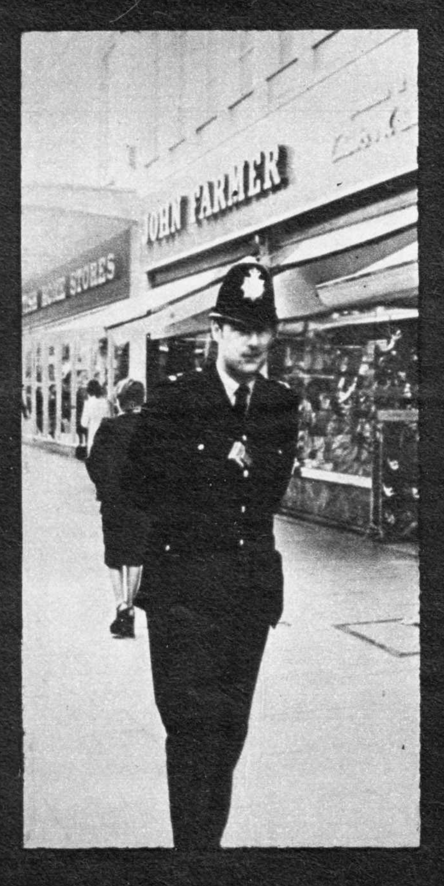
В пабе Уэст-Энда.

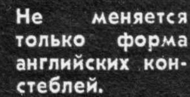

Смена караула у Букингемского дворца.

Лондонский зоопарк...

Не меняется только форма английских констеблей.

ЕВОГИ
И НАДЕЖДЫ
НГЛИИ

Нынешняя весна была для англичан очень трудной. Сказались последствия энергетического кризиса, рост цен, инфляция обесценила фунт стерлингов. Все это до предела накалило социальные противоречия. Забастовки вспыхивали то на одном, то на другом предприятии. Окончательный вызов правительству тори, во главе которого стоял Эдвард Хит, бросили шахтеры. Угольная промышленность полностью вышла из строя. Это грозило катастрофой. У Эдварда Хита не оставалось ничего другого, как объявить досрочные парламентские выборы.

Когда я приехал в Англию, залы Вестминстерского дворца заполнили депутаты палаты общин нового состава. Лейбористы, одержавшие на выборах победу, правда, весьма невнушительную — они опередили консерваторов лишь на пять мандатов,— сформировали свое правительство. Премьер-министр Гарольд Вильсон удовлетворил требования бастовавших шахтеров и предпринял целый ряд мер и полумер, чтобы сбить волну политических и экономических бурь, обрушившихся на Великобританию.

На первый взгляд казалось, что самое худшее уже позади. Но это только на первый взгляд. Неумолимая действительность убеждала в обратном.

КАКОЙ ЖЕ ТЫ ТЕПЕРЬ, ЛОНДОН!

И вот я снова, через семнадцать лет, в британской столице. На улицах Кенсингтон и Оксфорд, площадях Трафальгар и Пиккадили по-прежнему людно и шумно. Кое-где появились новые высотные здания из железа и стекла — конторы торговых и промышленных фирм. Изменился внешний облик лондонцев. Ведь они всегда отличались строгой изысканностью своей одежды, но сегодня это далеко не так: дешевая пестрота и какая-то вызывающая неряшливость. И лишь люди старшего возраста пронесли через время добрый английский стиль, верно храня традиции когда-то респектабельного Лондона. Пришедшую в эти дни манеру одеваться объясняют падением жизненного уровня. Вот почему пошли в ход туфли на толстой деревянной подошве, брюки из мешковины, и чем более залатанные и заношенные, тем «моднее».

Английские магазины славятся высококачественными товарами, отличным обслуживанием и прекрасной упаковкой. Все это сохранилось, кроме одного: лондонцы проходят мимо магазинов. Витрины манят, рекламы зазывают, но покупателей нет. Только в течение прошлого года цены на промышленные товары и продовольствие выросли на 20 процентов, а по сравнению с теми, которые существовали семнадцать лет назад,— в два-три раза.

Много доброго хотелось бы сказать об организации лондонского уличного движения. Во-

дители автомашин и пешеходы пришли к самому разумному и, видимо, единственно правильному решению: относятся друг к другу благожелательно. Строго выполняя правила уличного движения, световую и указательную сигнализацию и, что особенно важно, при полном отсутствии полицейских регулировщиков каждый готов уступить дорогу другому.

Лондон первым в мире построил метрополитен. За последнее десятилетие он значительно расширился, но сохранил свой первозданный вид — неуютный, прокуренный, запутанный. Новые станции метро обслуживаются эскалаторами, старые — допотопными лифтами. Стоимость проезда определяется расстоянием — это проверяется специальными контролерами по выходе из станции. Билеты приобретаются в кассах. Можно себе представить, какое здесь бывает столпотворение в часы «пик».

По-прежнему популярны даблдеккеры — двухэтажные автобусы. Они быстро доставляют к месту назначения. Кондуктор — полновластный хозяин даблдеккера. Он продает при входе билет, стоимость которого тоже зависит от расстояния, впускает строго определенное количество людей. Наверху можно только сидеть, а внизу разрешается стоять не более пяти пассажирам. Команда кондуктора «инаф» (достаточно), и никто не вступает с ним в пререкания. Дисциплинированные лондонцы терпеливо ожидают следующего даблдеккера.

Величавы памятники, дворцы и замки Лондона — свидетели былого могущества имперской столицы. Как и всегда, в четко определенные часы дня от 11 до 12 во дворце Букингема происходит красочная смена караула. Толпы лондонцев и туристов ежедневно собираются у ограды дворца, чтобы поглазеть на королевских гвардейцев в красных мундирах и высоченных медвежьих шапках. Они совершают этот ритуал точно так же, как сто и двести лет назад...

Букингемский дворец — резиденция королевы Елизаветы II, от имени которой парламент и правительство осуществляют власть в стране. Содержание королевского аппарата стало предметом жарких споров в Англии. Парламент утверждает годовое жалованье монарха в начале его царствования. Сейчас оно составляет 475 тысяч фунтов стерлингов, но королева лично на себя может тратить лишь 60 тысяч фунтов. Как только становятся известны результаты всеобщих парламентских выборов, потерпевший поражение премьер-министр вручает королеве свое прошение об отставке, а его преемник получает в Букингемском дворце указание о сформировании правительства. При нынешней королеве, которой в апреле исполнилось 48 лет, в Великобритании сменилось шесть премьер-министров. Жизнь королевского дворца окружена таинственностью. Елизавета II еще ни разу не давала ни одного интервью журналистам.

Много иностранцев и англичан, приехавших в Лондон из провинции, можно встретить на галереях Вестминстерского дворца во время заседаний палаты общин, которые начинаются ровно в 14 часов 30 минут. Посетителей привлекают не столько сами дебаты, сколько холлы дворца, где можно увидеть мраморные скульптуры премьер-министров и настенную живопись из истории царствования того или иного монарха. Сказочная люстра освещает центральное лобби и его старинные готические своды. По углам, как изваяния, стоят полисмены в касках, снуют парламентские курьеры в белых галстуках. Зал палаты общин строг, прост, невелик — всего двадцать метров в длину, уставленный зелеными скамьями, на которых восседают депутаты, больше напоминает старинную школу. Спикер палаты, подобно учителю, время от времени призывает депутатов к дисциплине, соблюдению вековых традиций. Спикер — главная фигура парламентского ритуала. В половине третьего дня по всем коридорам раздается возглас: «Спикер на месте!» — после чего он входит в палату в огромном парике, садится на свой трон и открывает дебаты.

В эти дни в палате собралось 635 новых депутатов. Любая коалиция тори с либералами и другими группировками в состоянии сбросить нынешнее лейбористское правительство. Тори пошли ва-банк 20 июня. Вместе с другими партиями они блокировали предложение лейбористского правительства о возвращении профсоюзам средств, несправедливо изъятых из их фондов по антирабочему закону, который ввели тори, когда они находились у власти. Эта акция фактически уже дала основание для роспуска парламента и проведения уже вторых досрочных выборов, которые, судя по настроениям в стране, мало чего хорошего сулят тори, зарекомендовавшим себя как проводники интересов крупного капитала.

ДЕТИ, НЕ ЛОВИТЕ РЫБУ!

...Знаменитые лондонские пабы (их насчитывается в городе около 15 тысяч) — это своеобразные маленькие парламенты, где ведутся жаркие споры. Условно паб — пивная, но по традиции это клуб. Люди сюда приходят не столько для того, чтобы выпить одну-две кружки пива, сколько побеседовать, обсудить новости, обменяться мнениями. Время, затраченное в пабе посетителем, определяется не количеством выпитого, а интересом к окружающим собеседникам.

Я побывал в пабе Уэст-Энда — зажиточном районе Лондона и цитадели тори, и в пабе Ист-Энда, где живут в основном трудящиеся. Разные проблемы волнуют посетителей этих пабов.

— Нет,— обращается мужчина в клетчатом пиджаке к соседке по столику в пабе Уэст-Энда,— я бы никогда не сменил бизнес на политику. Один деятель на выборах 1970 года баллотировался по списку лейбористов и потерпел поражение. После этого он присоединился к тори. Накануне последних досрочных выборов обратился к руководству партии и просил выставить его кандидатуру. Ему отказали. Рухнула мечта стать депутатом палаты общин. И вы знаете, что этот идиот сделал? Он покончил жизнь самоубийством!

— Какой все-таки умница мой знакомый из города Ньюкасла,— говорит собеседница клетчатого пиджака,— он практически решил проблему ликвидации преступности, предложив правительству запретить детям заниматься рыболовством, так как это с малых лет приучает их к насилию, и когда они вырастают, то вместо рыбы уже начинают охотиться на людей.

За столиком, где сидели клетчатый пиджак и его спутница, появились две модные девицы, подкатившие к пабу на роскошном автомобиле. Перемежая свою болтовню сплетнями, видимо, об общих знакомых, они делились новостями аристократического Уэст-Энда:

— Я слышала, что красавца Чарли Клея освободили на субботу и воскресенье из тюрьмы для того, чтобы он провел уикэнд со своей супругой Долли. Но бедняга не знает о ее проделках...

— Ты видела вчера по телевидению цветную программу «Песни Тома Джонса» с участием Марджори Уоллес?

— Это какая Уоллес?

— Да та, американка, которая завоевала в прошлом году титул «мисс уорлд» (самая красивая девушка мира).

— Это ее обчистил футболист Бест во время их похождений по ночным клубам?

— Суд этого еще не доказал, а Уоллес отказалась от иска. Ей вообще не везет. Ее жених, знаменитый автогонщик, развил на ралли скорость 256 километров в час. Разбился. А за дело, связанное с Бестом и поцелуйчиками перед кинообъективом с Томом Джонсом на острове Барбадос, Уоллес лишили звания «мисс уорлд».

— А ты слышала, что пропал Артур?

— Это не тот кот, который участвует в телевизионных фильмах по рекламе пищи для домашних животных?

— Именно он! Как он красиво забирал в лапку пищу и элегантно отправлял в свой ротик! Его уже разыскивает Скотланд-Ярд. Компания «Спиллерс», которой принадлежит Артур, объявила, что, если кот будет найден, она заплатит вознаграждение в 10 тысяч фунтов стерлингов...

— Когда же мы проучим наконец этого спекулянта Гарри Химса! — обращается к друзьям в пабе Ист-Энда широкоплечий верзила. — Построил многоэтажный жилой дом на улице Нью-Оксфорд, но до сих пор не сдает ни одной комнаты, а ведь в городе жилищный кризис. Ясно, что Гарри Химс ждет момента, когда цены поднимутся еще выше.

— Мерзавец! Послать бы его на пару ночек под мост Черринг Кросс,— зло добавляет один из собеседников,— узнал бы он, что такое быть бездомным. В прошлом году там умерло 47 человек. Представитель магистрата обвинил в этом чистильщиков улицы. Они-де по утрам поливали водой спящих на тротуаре людей. Лучше бы магистрат вселял бедняг в дом Гарри Химса.

— Как-то наш шоп-стюард (цеховой профсоюзный староста),— вмешался в разговор парень лет восемнадцати,— рассказывал, что в Лондоне 300 тысяч семей ютятся в одной комнатушке без отопления, газа, воды.

— А знаешь ли ты,— продолжал широкоплечий,— что у нас в стране ежегодно 200 тысяч человек, снимающих квартиры в аренду, выбрасываются на улицы из-за роста цен на жилье?.. Нет, все-таки надо организовать еще одну демонстрацию против спекулянта Гарри Химса.

— Недавно,— рассказывает за соседним столиком рыжебородый мужчина,— я получил письмо от старого друга из провинции. Он пишет, что забрал из школы своих детей. Ребята, проучившись несколько лет, еще не умеют ни писать, ни читать. Он и другие родители обратились к властям, требуя улучшить систему образования в школах.

— Денежные мешки,— замечает собеседник рыжебородого,— специально подрывают систему народного образования, чтоб получить в свое распоряжение дешевый детский труд.

Вот такой сложной, противоречивой предстала передо мной британская столица.

В ГОСТЯХ У ДЖЕЙМСА ОЛДРИДЖА

Имя этого английского писателя, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», обаятельного человека, участника второй мировой войны, хорошо известно читателям журнала «Огонек», на страницах которого Джеймс Олдридж часто выступает со своими произведениями и острыми публицистическими статьями.

На лондонском аэродроме Джеймс Олдридж сказал мне, что ночью его дом постигла беда: провалилась часть крыши. В восемь часов вечера, когда ремонт будет закончен, он ждет гостя из «Огонька» у себя дома. После прогулки по городу, когда уже начинало темнеть, я вернулся в отель. В точно назначенное время раздался телефонный звонок. Взяв в руки карту Лондона, я попросил Олдриджа объяснить, как добраться до его дома. Он ответил, что в этом нет никакой необходимости, так как находится в холле гостиницы. Маленький, темно-желтого цвета «фольксваген», ловко управляемый Олдриджем, через двадцать минут доставил нас в Ист-Энд.

— Вот здесь я живу,— улыбаясь, сказал он и показал на двухэтажный, из красного кирпича домик.— Левая часть принадлежит мне, а правая — одному юристу. Я купил свою часть в кредит, который выплачивал 20 лет.

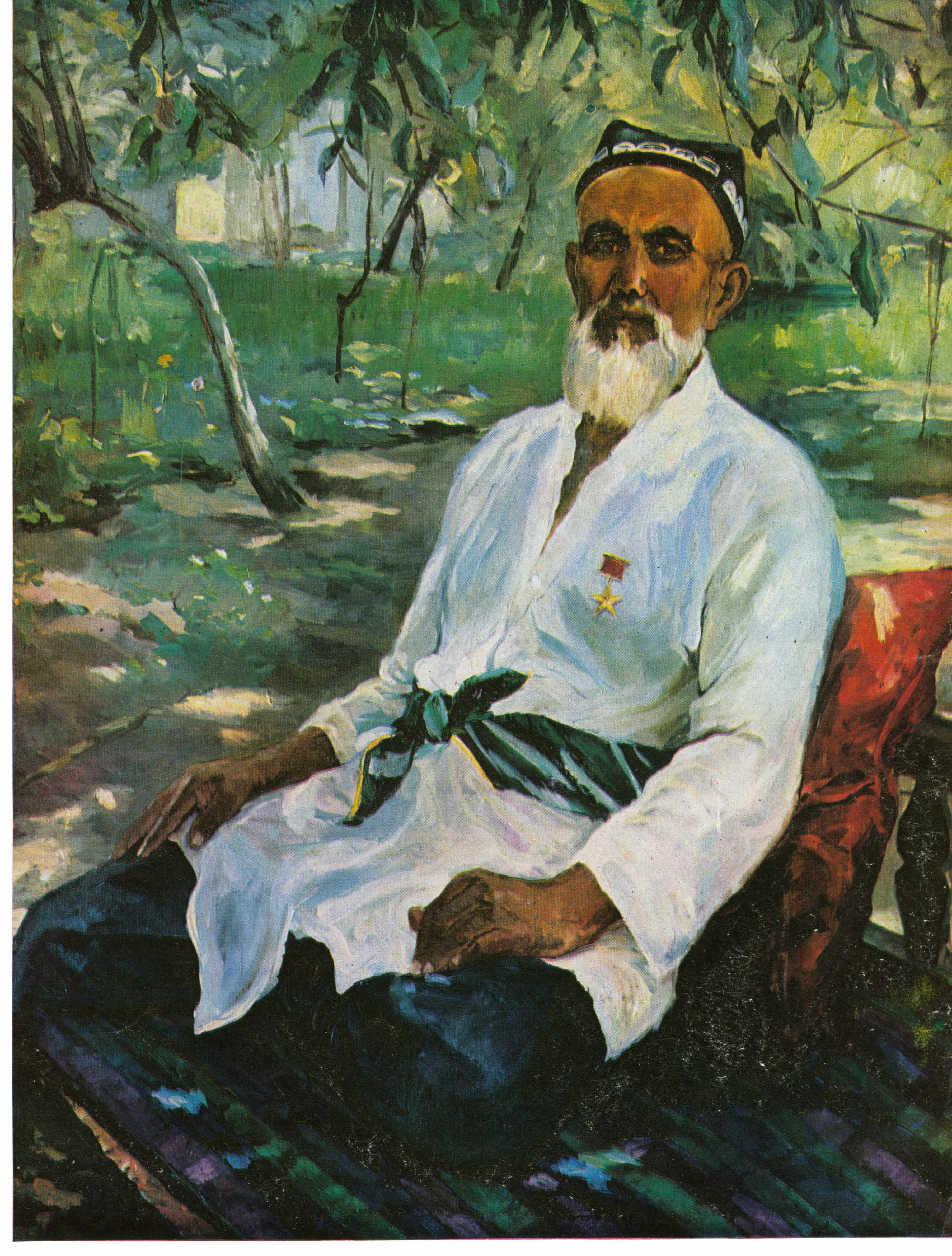
— Ремонт вам сделали быстро и на славу,— сказал я, увидев на крыше свежие пятна аккуратно уложенной черепицы.

— Вот,— воскликнул Олдридж, широко улыбнувшись,— уже и положено начало большому разговору об Англии. Этот ремонт я сделал сам. Англичане, за исключением бизнесменов и аристократов, не могут себе позволить такую роскошь, как приглашать коголибо на работы по домашнему хозяйству.

Вошли в парадное. Нас встретила приветливая Дина Олдридж — супруга писателя. Египтянка по происхождению, она всю жизнь провела в Англии, хорошо и тонко понимает эту страну, мать двух сыновей, добрый и верный друг Джеймса.

Дина Олдридж начала с того, что показала свой дом. Две комнаты внизу: гостиная и столовая. Две — наверху: спальня и детская.

На первом этаже — выход в небольшой дворик. Вдоль изгороди посажены цветы, трава аккуратно подстрижена и под ногами не мнет-

А. Бакиров, рабочий (Андижан). ПОРТРЕТ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА КУРБАНОВА.

Всесоюзная выставка произведений самодеятельных художников «Слава труду».

В. Мельников, рабочий (Ярославль). ДОЙКА КОРОВ.

Всесоюзная выставка произведений самодеятельных художников «Слава труду».

Э. Петерайтис, рабочий (Шилуте). РУСНЭ. НОВОЕ РЫБОЛОВЕЦКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ся, идешь будто по большому зеленому ковру.

— Почему в вашей стране так популярны двухэтажные дома?

— Традиция. Каждый англичанин желает иметь пускай маленький, но свой зеленый дворик. Земли у нас мало. Поэтому и строятся двухэтажные дома, но делятся они между семьями не по горизонтали, а по вертикали.

— Я не видел в вашем доме кабинета писателя.

— Джеймс считает лучшим местом для творчества лондонскую библиотеку. К тому же там можно от всех укрыться и особенно от телефонных звонков. Почти все свои книги он написал в этой библиотеке.

Появился Джеймс и посоветовал продолжить беседу за ужином. Несмотря на то, что супруги Олдридж почти каждый год посещают Москву, они задавали столько вопросов о нашей жизни, будто не были в СССР целую вечность. И это понятно. Дина и Джеймс от всего сердца уважают советских людей, глубоко интересуются их дерзаниями во всех областях жизни.

— Мое отношение к Советскому Союзу,— говорил в этот вечер Джеймс Олдридж,—определяется прежде всего английским патриотизмом, чего не понимают, а вернее, не хотят понять местные реакционные круги. Мы вместе с вами воевали против общего врага в годы второй мировой войны, вместе закладывали основы послевоенного мира. Большинство англичан с огромным уважением относятся к Советскому Союзу. Они понимают, что произошло бы с их страной, если не было бы Сталинграда, Курска, битвы за Кавказ...

Далее Джеймс Олдридж сказал:

— Обратите внимание на стиль и методы английской печати и телевидения. Ими руководят очень умные и опытные люди. Они не предпринимают никаких лобовых атак против СССР, ибо учитывают настроения английского народа. Так же ведут себя и политики, находящиеся у вершин власти. Именно поэтому Англия была одной из первых стран западного мира, которая пригласила к себе Юрия Гагарина. Именно поэтому в торговле между нашими странами никогда не существовало никакой дискриминации. Мы, британцы, как индивидуальности, и страна в целом — чрезвычайно сложные организмы. Нас можно либо понять, либо не понять совсем. Разоблачая британскую капиталистическую систему, самую изворотливую из всех существующих на земле, нельзя забывать о том англичанине, чей талант и высокопроизводительный труд подняли Британию на высокую ступень научно-технического и культурного прогресса. Помните, что в каждом из нас течет кровь Дарвина и Теккерея, Фарадея и Диккенса, Байрона и Шекспира.

После небольшой паузы Олдридж с любопытством выслушал мой рассказ о первых лондонских впечатлениях.

— Да,— произнес он,— Лондон изменился. Ушли былые годы имперского могущества. Играя когда-то чуть ли не решающую роль в международных делах, Англия постепенно становится провинцией Европы. Мысли Лондона сосредоточены сейчас в основном на внутренних проблемах. Людей тревожат рост цен, инфляция. Капитализм нас превратил в одушевленные компьютеры. Каждый вечер в домах английских трудящихся ведутся подсчеты расходов, которые утром сообщаются шоп-стюардам, а они, в свою очередь, информируют тред-юнионы. Так принимаются решения о забастовках.

Через несколько дней супруги Олдридж пригласили меня совершить с ними автомобильную поездку в Бристоль — промышленный центр и морской порт на западном побережье Англии. Мы решили следовать не по сабвею (широкое трехрядное шоссе в одну и другую сторону), а по боковым дорогам, идущим через сельские районы.

Чистые поселки, аккуратные домики из красного кирпича с острыми крышами и башенками. Людей почти не видно — женщины занимаются домашним хозяйством, а мужчины работают на фермах, превращенных индустриализацией в своеобразные продовольственные фабрики. Каждый клочок земли прибран к рукам аграрными монополиями. Рационализация и интенсификация труда сокращают число рабочих рук. Оставшиеся без работы отправляются в города, где попадают в социальные жернова капиталистической системы со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Жизнь здесь проходит в строгих рамках устоев и традиций, выработанных веками. Я очень люблю,— говорил по пути Джеймс Олдридж,— именно эту Англию. Посмотрите, какие спокойные и полные вежливого достоинства люди!

Небольшой городок Бат. Он пришел в наше время из шекспировской эпохи почти нетронутым. Радостные и возбужденные Дина и Джеймс обращают мое внимание то на один, то на другой дом. Будто древние скалы, возвышались они в море тюльпанов.

— Обратите внимание,— восклицает Дина,— на эту мемориальную доску! Здесь родилась супруга драматурга Шеридана...

— Идемте на базар,— предлагает Джеймс,— он описан в шекспировских пьесах.

— Посмотрите на эту овальную площадь,— предлагает Дина,— здесь когда-то проходили рыцарские турниры.

— А вы знаете, почему в Англии левостороннее движение?— спрашивает Джеймс. И, не дожидаясь ответа, продолжает: — Это идет еще с рыцарских времен. Верхом на лошади рыцари всегда двигались по левой стороне дороги, чтобы правой пожать руку друга или скрестить копья с недругом.

Бристоль утопал в лесу фабрично-заводских труб, у портовых причалов загружались и разгружались торговые суда. Город стоит на двух холмах, соединенных подвесным однопролетным мостом в 230 метров.

— Этот мост,— пояснил Джеймс Олдридж,— воплощение английского технического гения. Он был построен в 1836—1864 годах и до сих пор является конструкторским чудом. Теперь поедем в порт и посмотрим первый английский металлический корабль «Грэйт Британ», созданный в те же годы.

Остов «Грэйт Британ» стоит у причала в деревянной раме. Сюда привозят на экскурсию школьников не только из Бристоля, но и других городов, чтобы наполнить души детей верой в талант английского народа. Это действительно уникальное сооружение для того времени. Корабль был сшит из листов сварочной стали, оборудован первым в истории судостроения балансирным рулем, имел четырехцилиндровую машину, а также винт и валы, вращающиеся в подшипниках.

— Я, как и миллионы других англичан,— сказал Джеймс Олдридж,— признаю символом моей родины вот такие творения, а не финансовый Сити.

НАСЛЕДИЕ ТОРИ

В одном из журнальных киосков лондонского метрополитена на прилавке лежал рекламный листок: джентльмены в котелках, с плоскими чемоданчиками и зонтиками-тростями в руках двигаются к краю пропасти. Задние не видят того, что передние в ней исчезают. Под рисунком подпись: «Так будет с каждым в связи с предстоящим более серьезным кризисом, если вы, бизнесмены, не будете регулярно читать газету «Экономист». Выразительная реклама!

О чем же эта газета пишет? В одном из номеров бросается в глаза заголовок не более оптимистичный, чем и сама реклама: «Англия: впереди массовая безработица». В статье сообщается, что финансовый дефицит промышленных и торговых компаний страны в 1970/71 году достиг рекордной суммы — 900 миллионов фунтов стерлингов. «Это было главной причиной того,— комментирует «Экономист»,— почему безработица в 1972 году достигла одного миллиона человек». Логика между первым и вторым факторами, как говорится, железная. Далее газета пишет: «По нашему предположению, в 1974—1975 годах дефицит английских промышленных и торговых компаний достигнет около 5 миллиардов фунтов стерлингов». Если следовать той же логике, то возникает вопрос: какие масштабы может принять безработица в 1976 году? На этот вопрос и отвечает заголовок статьи. Прогноз газеты «Экономист» не столь уж оригинален. Брайан Гриффит из Лондонской экономической школы, в свою очередь, заявляет: «Нам грозит самый крупный спад производства, который мы когда-либо испытывали с начала 30-х годов».

Но какой рецепт предлагает «Экономист» бизнесменам, чтобы они все-таки не провалились в пропасть? Газета советует им требовать от правительства установления контроля над заработной платой трудящихся. Именно эту политику «замораживания зарплаты» проводило правительство тори. Печальный финиш ее хорошо известен.

Вместе с тем экономику Англии продолжает лихорадить. Профессора Лондонской школы бизнеса Джим Болл и Терри Бернс предсказывают, что цены в этом году возрастут еще на 15 процентов.

Финансовый Сити все чаще обращает свои взоры к загранице. Судя по последнему исследованию министерства торговли и промышленности, владельцы одной шестой части крупнейших компаний, занимающихся в Англии промышленной деятельностью,— иностранцы. Согласно данным на 1970 год, иностранные капиталы, вложенные в английскую промышленность, составляют 14,7 процента.

У Сити свои законы, свои симпатии и антипатии. Это второй после нью-йоркского Уоллстрита международный расчетный центр, пропускающий через свои сейфы почти треть всех торговых сделок капиталистического мира. Здесь размещаются Банк Англии, центральные аппараты «большой пятерки» английских банков — Барклейз, Мидлэнд, Ллойд, Вестминстер, Нейшнл-провиншиэл, а также все еще продолжающие жить столпы XIX века — банки Ротшильдов и Берингов. Здесь же находится и знаменитая Фондовая биржа («Лондон сток иксчейндж»)— рынок акций и ценных бумаг, оперирующий суммами, превышающими в восемь раз английский годовой правительственный бюджет,— место сделок, спекуляций, брокерства. Но в вопросе о деньгах, вернее, их реальной стоимости, финансовый нерв Англии не делает никогда и никому никаких снисхождений. В тот день, когда я там был, электрическое табло сообщало: обесценение фунта стерлингов — 17,54 процента.

Таким образом, лейбористское правительство столкнулось с серьезными экономическими проблемами, которые достались ему в наследство от тори. Сотрудник французского Центра по изучению проблем внешней политики Жак Лерюэ в своей недавней статье «Программа и трудности лейбористского правительства» на основании солидных выкладок приходит к выводу: «Консерваторы оставили после себя малоприятную обстановку».

Первые шаги лейбористского правительства свидетельствовали о его политическом реализме. Лейбористам удалось вернуть страну к работе, пойти навстречу шахтерам и подготовить строгий и вместе с тем осторожный бюджет. Осторожный потому, что изымает только 758 миллионов фунтов стерлингов из экономического обращения и что это всего лишь временный документ до осенней сессии палаты общин. Строгость же бюджета определяется тем, что он увеличивает государственные доходы на 1 458 миллионов фунтов. Лейбористы повысили прямые налоги для лиц со средними и высокими прибылями и налог на компании. Повышены также налоги на алкоголь, сигареты, бензин и даже на сладости и мороженое. Вместе с тем лейбористам удалось повысить пенсии, а также субсидии на «основные» пищевые продукты.

Однако, как это показали июньские дебаты в палате общин, неблагоприятное соотношение сил в парламенте мешает лейбористам выполнять обещания, изложенные в их программе. Она, эта программа, объявляла о плане национализации 25 наиболее крупных промышленных компаний и резком сокращении военных расходов. Все это висит в воздухе.

Досрочные выборы привели к смене правительства, но сохранили заботы и тревоги Англии, которые ставят страну перед лицом новых выборов.

Ал. АЗАРОВ,
Вл. КУДРЯВЦЕВ

Рисунки И. УШАКОВА.

ДОМ БЕЗ КЛЮЧА

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

22. Февраль, 1944. Женева, рю Лозанн — рю Альберт Бертран.

Когда держат четыре руки, трудно сопротивляться. Бергер пробует стряхнуть того, что справа, но схватили цепко — до хруста в вывернутых костях. И Кунца нет! Кунц в отеле, дежурит у телефона.

На всякий случай Бергер, задыхаясь от боли, произносит положенные в таких случаях слова:

— В чем дело, господа?

— Садитесь в машину.

— Я протес...

Все происходит столь быстро, что неоконченная фраза повисает в воздухе, а дверца уже защелкнулась, и плоский, окрашенный в темное бордо «шевроле» на глазах у случайных прохожих уносит трех пассажиров, так внезапно и без видимых причин поскандаливших на тихой рю Лозанн.

Сразу и не поймешь, что случилось... Бергер пришел на рю Лозанн с намерением перехватить, если удастся, Ширвиндта на улице. После того как Ширвиндт не ответил на второе письмо, а секретарша отказалась соединить с ним по телефону, Бергер выждал два дня. За это время люди, подобранные им еще в Штутгарте, установили за «Геомондом» наблюдение и, к удивлению Бергера, донесли, что охрана конторы исчезла — не только те двое в плащах, но и киоскер-газетчик. Вместо него в киоске сидела старуха со вставными зубами, жители улицы утверждали, что она работает тут с незапамятных времен — белобрысый мужчина заменял ее из-за болезни, что ли... Бергер вышел из такси и, придерживая шляпу, посмотрел на окна второго этажа, пытаясь понять, есть ли свет в комнатах, и тут все и произошло — и так ловко, что он не успел сообразить, откуда и каким образом появились двое верзил.

Похищение или арест? Русские или же политическая полиция? А может быть, 5-й отдел? Говорили по-немецки, но не так, как, скажем, в Баварии, Мекленбурге, Саксонии или Берлине. Совсем другая манера тянуть гласные. А может быть, англичане? «Я Хесус-Альфонсо де Хуарес, гражданин Перу, коммерсант из Лимы... Адрес фирмы — Соледад, 111. Запоминается просто: три единицы».

— Поторопитесь, мсье.

— Еще и торопиться? Я категорически протестую...

Бергер говорит, но его не слушают: едва машина затормозила на рю Альберт Бертран, как конвоиры чуть не на руках внесли его в подъезд.

Лестница узкая, с дешевой дорожкой. Настенные бра в виде чаш из алебастра — серые и скорее поглощающие свет, чем рассеивающие его. Средней руки доходный дом.

Сколько раз Бергер сам организовывал и осуществлял такие вот штуки. Однажды в Ноттингеме убрал двойника — вечером, в толпе: подошел сзади и аккуратно, одним движением вогнал в поясницу стилет... Похожее было и в Мадриде, только без крови, элегантнее: Бергер подменил сотрудника республиканской «Сегуридад» и пришел на явку к крупному работнику агентурного отделения. Без оружия пришел, хотя знал наверняка, что у контрразведчика с собой есть все, что надо... А теперь вот...

— Прошу сюда, мсье.

— Хоть свет зажгите!

— Ничего... Сюда. Эй, эй! Не дергайте руками, пожалуйста.

На парадной двери Бергер засек табличку: «Б. Кенгиссер, художник». Квартира, как пещера: темно и гулко, сразу ясно — никто не живет, да и табличка слишком новая, не окислилась. Конспиративная квартира. Чья? 5-го отдела? Но до чего же темно в коридоре! Экономят, что ли?

А в комнате светло. Свет из окон и еще люстра — стеклярус, белый с зеленым. На стенах обои в светленький цветочек; несколько кресел на гнутых ножках, ломберный стол, козетка, еще один стол — низкий, курительный, платяной шкаф с зеркалом — случайная мебель, купленная по дешевке.

Двое господ: полный, с пухлым подбородком, и узкоплечий, в помятом костюме из букле — Паташон и Пат.

— Здравствуйте. Извините...

— Слава богу, догадались! Что у вас здесь? Цирк?

— Не совсем.

Толстяк отвечает по-немецки, показывая, что хотя и знаком с испанским, но не собирается использовать его при переговорах.

— Объясните, в чем дело, наконец! — сердито говорит Бергер.

Это не больше чем дежурная фраза, ритуальный словооборот, произносимый проваливвшимися профессионалами: толстяк может не представляться и не предъявлять документов, ибо Бергер знаком с ним заочно. Бригадный полковник Лусто. А тощий Пат — полковник Жакийяр из контрразведки.

Бергер насмешливо цокает языком и садится в кресло, спиной к окну.

— С кем все-таки имею честь?

Лусто полупривстает.

— Бригадный полковник Анри Лусто, начальник военной разведки Швейцарской конфедерации. А это полковник Жакийяр, мой заместитель по контрразведывательному отделению. И капитан Майер...

Ах, так есть и третий? Он невидим и неслышим, стоит за спиной, закрывая подходы к двери. Майер, он же Швартенбах, фирма «Варенфертриб ГмбХ» — коммерческое прикрытие филиала 5-го отдела. Бергер снова переходит на испанский.

— Хесус де Хуарес. Это провокация?

— Говорите и сами не верите.

— Тогда что же?

— Господин Хуарес, — неожиданным фальцетом вмешивается Жакийяр. — Не делайте хорошей мины при плохой игре.

— Позвоните в посольство!

— В какое? Посольства Перу в Берне нет. Значит, в германское?

— Не пикируйтесь, господа, — мирно говорит Лусто. — Полковник Жакийяр и вы, полковник, сделаете правильно, если отнесетесь друг к другу со взаимным уважением. Распорядитесь о кофе, капитан, три большие чашки. Вам с ромом, полковник?

— Бред сумасшедшего! — вызывающе говорит Бергер и достает портсигар. — Вы полковник, он полковник, я полковник — странная мания.

— Идите, Майер. Значит, три с ромом.

— Мне без, — добавляет Жакийяр. — Но со сливками.

«Все отрицать, — быстро думает Бергер. — Джентльменские варианты отпадают... А там посмотрим».

— Свой кофе я выпью не здесь, — говорит он, доставая сигарету. — Чем, собственно, обязан?

Лусто терпеливо ждет, дает ему закурить и только тогда отвечает с мягким упреком:

— Зачем же так несерьезно? Ну пусть досада, пусть вам не понравилось, как вас пригласили, но зачем же эта чепуха: «Хуарес» и «В чем дело»? Вы полковник Юстус Карл-Амалия Бергер из центрального аппарата абвера, преступно нарушивший границу и проживающий нелегально по подложным документам. Приехали, насколько я понимаю, не на альпийский сезон, иначе не брали бы с собой господина Кунца и милого юношу в очках с его оригинальной штучкой в ранце. Вы, конечно, знаете обоих?

— Конечно, нет, — вежливо говорит Бергер и пускает тонкую струйку дыма.

Кончиком языка он легонько касается левого резца и припухшей у корня десны. Ощущение такое, будто облизываешь шарик, но не металлический, а живой — теплый и влажный.

— Сейчас придет Майер, — продолжает Лусто, — и вам покажут снимки. Юноша в очках на пожарной лестнице дома 113 и Кунц, входящий в подъезд этого дома. Как по-вашему, что бы они могли там делать?

— Вы просили: без чепухи.

— А, Майер!.. Очень мило.

— Где мои сливки? — спрашивает Жакийяр. — Куда вы их поставили?..

Но ищет он не молочник, а бумаги в папке, поданной Швартенбахом вместе с подносом.

— Это вы писали?

— Не я! — говорит Бергер.

— Как можно отвечать, не зная, о чем спросили?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 24 — 27, 29 — 31.

— Мне все равно. В любом случае: нет, не знаю, не я.

Лусто огорченно склоняет голову.

— Все-таки послушайте. Прочтите нам, Жакийяр.

— «Дорогой господин Ширвиндт. Вы не ответили на мое приглашение, и я повторяю его. Сегодня и там же. В ваших интересах, Шриттмейер».

«У них свой человек в конторе, — соображает Бергер.— Или играют заодно? А если взяли Ширвиндта и вышли на меня? Может быть, и взяли: филеров-то уже не было...»

— Не трудитесь, господа, — говорит Бергер, с сожалением гася сигарету в чашке с кофе.— Я не Бергер, письма не мои, в конторе не был.

— Письма?

— Ну письмо...

— Вы сказали: письма. Так и есть. Два приглашения от Шриттмейера. И оба безответные... Я заранее извиняюсь: то, что вы сейчас услышите, заденет ваше самолюбие. Так вот: второй раз вы писали напрасно. «Геомонд» осиротела.

— Да, — говорит Жакийяр. — И заметьте, в тот самый день, когда вы послали первое приглашение.

— Спасибо, Жакийяр, это очень существенно.

— Мне кажется, что полковник начинает понимать, что к чему. Допустим, что он, как и решил, будет отвечать: «нет», «не знаю», «не я». С этим он и пойдет в трибунал, где государственный адвокат, предъявив подложные документы Хуареса, фотоснимки, записки, показания секретаря «Геомонда» и другие улики, задаст ему вопрос: куда вы дели труп? К этому моменту Кунц, конечно, разговорится и объяснит, зачем он ходил в контору, хозяин отеля, где полковник Бергер остановился под чужим именем, спасая репутацию и свободу, выложит все, цепочка потянется к фон Бибра и его террористам, и труп — ненайденный — станет реальностью. — Фальцет Жакийяра фальшив, как и его улыбка. Губами, белыми от сливок, он выбрасывает слова, добивая Бергера.

— Ваш адвокат, конечно, попробует доказать, что вы не смогли бы покинуть «Геомонд» незамеченным, но ему будет нелегко это сделать. Домовладельцы дадут убийственные показания. У хозяина пропало черное плащ-пальто в тот самый день, и, кроме того, он слышал шаги на своей лестнице — у них отдельный ход, на соседнюю улицу. Эти же шаги слышала и его жена — ее зовут Шарлотта,— и она же указала, что человек, похитивший плащпальто, мог пробраться в их квартиру из «Геомонда» по пожарной лестнице.

Бергер продолжает ощупывать зуб. «Так он и ушел, этот Ширвиндт. Кто-то из тех двоих помог ему, дал пальто и проводил. Но была же слежка! Не засекла?.. Соседняя улица, там недосмотрели».

— Ну вот,— удовлетворенно говорит Лусто.— Дорисуйте картину сами. У вас есть машина, Кунц подогнал ее к подъезду; труп, завернутый в пальто — вы же крепкий мужчина!— вынесли и сунули в багажник; на улице хоть глаз выколи, и путь к озеру открыт... Военное время — смертная казнь. Почти гарантия.

Бергер, не докурив, гасит сигарету.

— Других ответов не будет, господа.

— Жаль,— говорит Лусто, и голос его звучит искренне.

— Фонографы пишут?

— Разумеется!

— Я так и думал.

— Мы очень заботились о вас, полковник. Вы обратили внимание, когда выбрались из тайника в контейнере, что стражник смотрел на водокачку. Он видел ее тысячу раз и все-таки смотрел.

— Понимаю. Но это был не я.

— Есть фотография.

— Фальшивка! Монтаж. При нынешней технике — не улика.

— Примите комплимент,— говорит Жакийяр.— Сплошное удовольствие вас слушать.

— Хотите вариант?— живо вставляет Лусто.— Вы офицер, следовательно, пленный, и мы вас обменяем.

— На кого же?

— Меркель. Приемлемо?

— Меркель? Я что-то читал...

— В газетах, издаваемых в Лиме?

— Жакийяр!.. Минутку, полковник. Не обращайте внимания. Меркеля собираются судить и могут обезглавить. Мне его жаль, честно говорю — жаль. Не бойтесь фонографов, ответьте, пойдет ли ваш новый начальник на обмен? Я говорю о Шелленберге. Пойдет?

— Не провоцируйте!

Другой бы не угадал, но Лусто из той породы, которая умеет улавливать оттенки и вышелушивать смысл, как орех из скорлупы.

— Майер, принесите, пожалуйста, газеты. Пошлите за английскими, пусть купят все, какие сумеют. И германские —«Фёлькишер беобахтер» и «Франкфуртер рундшау»... Вы действительно не знаете, полковник, что Канарис вчера смещен?.. Нашим сводкам вы не поверите, подумаете — фальсификат, специально для вас. Или поверите? В газетах-то ведь слишком общо: смещен, и ни слова о преемнике... Я все-таки прикажу дать вам сводки. Канарис переведен в ОКВ. Ваш хозяин — Вальтер Шелленберг.

Лусто позвякивает ложечкой в чашке. Спрашивает, поднося кофе ко рту:

— Мне очень интересно услышать ваше мнение и о самом Шелленберге и о возможностях обмена. Право, Меркель не должен быть убит!

— Не знаю... Не хочу!..— говорит Бергер. Облизав губы и набрав воздуха, он повторяет: — Не хочу ничего обсуждать. Все, господа!

— Вам не хочется вернуться?

Бергер достает новую сигарету и, не закуривая, вертит ее в пальцах. Это «Реемтсма» с черным, как деготь, табаком и резким вкусом. Обычно Бергер не выкуривает больше двух подряд.

— Будьте добры, Майер, дайте огня полковнику. И сходите за газетами. В Буа-Мермет скажете, что я разрешил.

«Тюрьма?— думает Бергер и рассматривает стену с обоями в цветочек.— Какой пустяк... Все пустяк, если нет Канариса. Нет и не будет Канариса, есть Шелленберг. Дома меня повесят. И не просто повесят, а сначала намотают кишки на барабан... До процесса обменяют или после, или же без всякого процесса — все одно. Лучше бы у Эмми был другой отец... Маленький ты мой цыпленок, с ума я схожу... Что с тобой будет?.. Мне нельзя назад! Мне ни за что нельзя назад!»

— Я бы просил отправить меня в камеру.

В твердом голосе Бергера — трещинка, тончайшая, с волосок.

— Ну что вы,— говорит Лусто.— Не в камеру, в помещение. Вы будете интернированы, полковник... Пока...

— А идите вы!..

— Я очень вам сочувствую,— говорит Лусто.— Когда захотите встретиться, дайте знать через капитана Майера. И учтите, пожалуйста,

что я сочту себя вашим должником, если найдете возможным поделиться с нами — конфиденциально, разумеется!— соображениями о том, куда и как мог уйти Ширвиндт. Это-то ведь вас ни к чему не обяжет? Ведь так?

— Прощайте, господа.

— До свидания, полковник. Только до свидания...

Швартенбах-Майер и двое контрразведчиков через темную переднюю и пустую лестницу ведут Бергера в машину — не «шевроле», а другую, черный, громоздкий «линкольн» с хрустальными стеклами.

Бергер садится; справа — Швартенбах с ворохом газет на коленях, слева — охранник; второй, как положено, рядом с шофером. Машинально отмечая все это, Бергер давит кончиком языка на бугорок у корня резца. Ему никак нельзя возвращаться в Берлин, и пересадочная станция в Буа-Мермет — лишняя остановка в дороге... Для Эмми Бергер все зайцы желтые, а отец — малознакомый взрослый, возникающий без зова и исчезающий в пространстве, раньше чем детское сердце успеет наполниться привязанностью... Кальтенбруннер не щадит никого. Даже детей...

Бергер закуривает и медленно, с наслаждением втягивает дым. Он почему-то уверен, что все будет быстро и не больно. Еще немножко надавить, потом — сразу, с силой — прижать нижним зубом, разбивая ампулу...

— Че-пу-ха!— раздельно произносит Бергер и надолго замолкает — так надолго, что Швартенбах решает, что он уснул с открытыми глазами.

Лишь при выезде на шоссе капитан, роняя на пол газеты, суетливо начинает делать то, что и при обмороке не приносит особой пользы,— расстегивать на Бергере рубашку, развязывать галстук, тереть ему виски. Однако яд действует безотказно, и Швартенбах приказывает шоферу развернуться и ехать в Женеву.

23. Февраль, 1944. Париж, рю Пастурей — рю Вандом.

Где взять радистов? Где их найти? Париж огромен, в нем живут миллионы, и миллионы эти заняты разным трудом — представители любой профессии сыщутся в избытке, только дай объявление. Безработицы официально не существует; с приходом нацистов все закреплены за предприятиями, конторами, лавками, муниципальными учреждениями, транспортными организациями, строительством, государственными органами и бюро, за мелкими и крупными фабриками, заводами, электростанциями, а те, кому не нашлось там места, посланы на принудительные работы или обслуживают вермахт. И все-таки это фикция. Тысячи и тысячи ухитряются манкировать, доставать справки о несуществующих болезнях, скрываться — лишь бы не работать на бошей. Любой из них с восторгом предложит Жаку-Анри руки и жизнь, скажи он, зачем и во имя чего они необходимы. Они даже не попросят оружия. Печь хлебы для маки — хорошо! Стирать белье франтирерам — что же лучше! О-ля-ля! Все хорошо для Франции и свободы!

А радистов нет. Есть радиолюбители, прилично, или хорошо, или даже превосходно владеющие ключом, патриоты Франции. Во-первых, как их отыскать? Во-вторых, как проверить их честность, мужество, верность слову, скромность, точность, молчаливость?

Три радиста. И еще два из резервной группы в Нанте — новички, плохо знакомые с условиями в Париже,— их еще учить и учить. Жермен, согласись он вернуться, принесет больше пользы. Надо попробовать!

Хозяин кабачка на рю Пастурей упорно отказывается узнать Жака-Анри. Старый пароль — «Есть ли у вас виши?»— вероятно, уже не действует, и переговоры грозят закончиться безрезультатно.

— Мне нужен целый ящик,— настаивает Жак-Анри.— Вспомните, в августе вы получили партию, я был тогда у вас.

Никакой реакции. Хозяин полотняным полотенцем с петухами самоуглубленно вытирает стаканы.

— Ящичек виши для больного Жермена!— просит, втолковывает, уговаривает Жак-Анри.— Луи клялся, что у вас есть.

— Ладно,— сдается хозяин и тычет пальцем через плечо.— Подожди-ка там, я сейчас.

Жак-Анри только однажды был в этой задней комнате, но готов поручиться, что в ней ничего не изменилось. Длинные полки все так же уставлены бутылками — по большей части пустыми; связки лука висят по стенам; низки сушеных грибов, олеография в простенке, нераспечатанная картонная коробка с кружками...

— Любуетесь?— говорит хозяин, входя.

— Здорово же пьют! Сколько пустых.

— Это коллекция.

Жак-Анри наклоняется к полке, разглядывает бутылки.

— Здорово,— говорит Жак-Анри.— Настоящий музей! Но я предпочитаю виши. Понимаете?

— Все верно, только я вас не узнаю.

— Я был в августе.

— Не разыгрывайте меня! Что я — слепой?

— У меня была бородка,— напоминает Жак-Анри.

— Генрих Четвертый?

— Да, и баки.

— Фу ты черт! Ну и здорово же вы изменились! Станьте-ка к свету... Так... Да, глаза ваши.

— Чьи же еще?— смеется Жак-Анри, не скрывая облегчения.

В другое время он объяснил бы хозяину, как и какими способами изменяют внешность — в общих чертах, не посвящая, конечно, в тонкую технику, очень специфичную и далекую от той, которой владеют театральные гримеры. Однако сейчас его больше интересует Жермен.

— Свяжите меня с ним,— просит Жак-Анри.

— Это невозможно.

— Почему? Он вне Парижа?

— Он далеко. Вы нашли тогда посылку?

— Спасибо. Можете передать Жермену, что он мне нужен позарез?

— Попробую,— говорит хозяин с сомнением.— Это не так-то легко. Вы из Лондона? Как там наш Шарль?

— Уверяю вас, я не от де Голля.

— Ладно, дело ваше. Наведайтесь в начале марта. Желаю удачи, старина. И не сердитесь на прием — виши продано еще в прошлом году. Вы поняли?

Автобус, а потом метро уносят Жака-Анри с рю Пастурей, долгим путем перемещая к площади Вандом и пасмурной боковой улочке с тем же названием. Здесь запасная квартира, которой теперь предстоит стать основной. Жак-Анри ею не пользовался, берег — одна из последних.

Консьерж встречает его немногим дружелюбнее хозяина кабачка. Судя по прокуренным усам — желтым снизу,— он из отставных военных, а почтенная плешь и седина точно указывают, что воевал он во времена Вердена. Жак-Анри на всякий случай протягивает ему пачку «галуаз».

Консьерж презрительно сплевывает.

— Морская капуста!

— Зуав?

— Третьего кирасирского!

— Славные дела, не так ли?

После такого начала консьерж значительно добреет. Шевеля подкрашенными никотином усами, он благожелательно поглядывает на Жака-Анри, и тому приходится круто менять тему — ветераны, дай им волю, готовы часами повествовать о днях минувших: ходячий эпос, изнывающий без слушателей.

— У меня найдется пачка кепстена для вашей трубки.

— Как вы угадали?

— Угадывать — обязанность хорошего журналиста.

— Ах, вот оно что! Надолго в Париж, господин редактор?

— Посмотрим. В Тулузе так неспокойно, что я истосковался по тишине.

— Ваша квартира на третьем, господин редактор. А где вещи?

— На вокзале. Простите?

— Антуан Бланшар, господин редактор.

— Порядок прежде всего, мсье Бланшар? Не так ли?

Усы, как водопад, стекают на губы. Консьерж пытается придать себе значительный вид и официальную строгость.

— Это как водится,— говорит он и снова сплевывает.

— Вот бумаги, мсье Бланшар: паспорт, карточки, пропуск...

— Комиссариат рядом,— говорит консьерж, и губы его совершенно исчезают за водопадом усов.— Положено относить лично.

— Жаль. Кстати, мой отец был при Седане. Зуав.

— Хм, зуав... Ладно, давайте бумаги, у меня там есть землячок, а господь учит помогать ближнему.

— Возьмите на свечки.

Жак-Анри дает ровно столько, сколько положено за такие услуги.

...Ну вот и один. Наконец-то один!.. Жак-Анри слоняется по пустой квартире, тесной, но чистой и теплой, рассчитанной на семью. А у него нет семьи... И любимой тоже нет. Жаклин, кажется, любила или так казалось. Он сделал все, чтобы отдалить ее: был сух и строго выговаривал за промахи.... Жаклин мертва. И Жюль мертв.

Жак-Анри ходит из угла в угол и вспоминает — уже не о Жаклин; хозяин кабачка перед прощанием рассказал, что к нему приходила полиция, показывали фотографию немолодого полного мужчины, допытывались, не бывал ли он на рю Пастурей. Он памятлив и наблюдателен, хозяин. Описал Жаку-Анри того, кто был изображен на снимке... Сомнений нет: Жюль!.. Сфотографировали мертвого? Скорее всего. Теперь ищут тех, кто знал, видел его, разговаривал с ним. Отныне антикварная лавка под запретом. Туда нельзя. На старые квартиры тоже лучше не ходить... Плохо.

И с радистами плохо. Трое, система скомкана и уже не страхует от пеленгации. Нужен четвертый, а где взять? Вся надежда на Жермена...

Жак-Анри дергает за шнур, поднимает камышовую шторку. Если смотреть наискосок, видна площадь Вандом, Колонна, машины, идущие по кругу — осторожно и медленно, ибо мостовая мокра.

Гастон уже неделю ездит в Женеву. Привозит сообщения какого-то Макса. С Гастоном все хорошо. В первую ездку к нему никто не подошел, а во вторую возле вагона объявился маленький человечек, почти карлик, с грустными библейскими глазами и, назвав пароль, без объяснений — кому и от кого — сунул мешочек с орехами. Гастон довез посылку до Парижа, а Жак-Анри в одном из орехов — пустом — нашел записку... О Ширвиндте там не было ни слова; несколько информаций, подписанных Максом, и указание передать их в первую очередь. Жак-Анри попросил у Центра дополнительный сеанс.

Жак-Анри ходит и ходит — безостановочно, как заведенный. Новая биография — биография журналиста из Тулузы — еще не стала его собственной, и вовсе нелишне повторить ее про себя, затверживая точнее, чем таблицу умножения.

Жюль Дюваль — так его будут звать. Репортер Дюваль, сотрудничавший в листках, ни один из которых ныне не существует. Настоящий Дюваль сейчас где-нибудь в Танжере; родни и близких друзей у него не было.

— С новосельем вас, мсье Дюваль!— громко говорит Жак-Анри и шутливо кланяется своему двойнику в зеркале.— С вас, как положено, причитается, а? Банкет а-ля фуршетт для избранных гостей, легкая закуска.

Квартира на третьем этаже, но слышно все, что делается на нижнем: акустика здесь неплохая. Жак-Анри, не напрягая слух, улавливает отчетливо звонок в привратницкой. В общем-то это неплохо: всегда можно знать, есть ли кто-нибудь на лестнице... Да, жить можно. Центр, относительная тишина, и в спальне висит премилое «ню» в золоченой рамке. Жак-Анри подходит к картине и разглядывает подпись. И отшатывается. Мелкими, но разборчивыми буквами — коричневой краской — выписана фамилия Поля.

Жак-Анри садится на кровать и молча смотрит.

Поль убит, ушел навсегда, а картина — его овеществленная мысль — висит, осталась, чтобы напомнить живому о том, что было. Жюль, Поль, Жаклин...

Жак-Анри сидит и слушает тишину.

Продолжение следует.

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АНАТОЛИЯ АЛЕКСИНА

СЛУЖЕНИЕ ЮНОСТИ

Обращаясь с поздравлениями к писателю в его день рождения, обычно восклицают, что, глядя на него, трудно поверить в «круглую дату». Не хочется быть банальным... Но что поделаешь, если по отношению к Анатолию Алексину эти слова удивительно верны: вся его творческая жизнь неразлучна с детством и юностью. Оттого и сам писатель всегда кажется молодым!

В предисловии к книге Анатолия Алексина «Пять веселых повестей» Лев Кассиль писал: «Достаточно сегодня где-нибудь в классе или в Доме пионеров назвать ребятам имя Анатолия Алексина, как в ответ слышишь дружное и радостное: «У! Здорово! Читали!»

Значит, повести Алексина хорошо известны подрастающим читателям и оценены ими по достоинству».

Сколько же миллионов новых юных друзей приобрел писатель за десять лет, которые прошли с той поры, когда были написаны эти строки! Он талантливо продолжает высокие гайдаровские традиции в детской и юношеской литературе. Романтики, жизнерадостного юмора полны его повести, обращенные к нашим мальчишкам и девчонкам: «Тридцать один день», «Саша и Шура», «Говорит седьмой этаж!», «В Стране Вечных Каникул», «Необычайные похождения Севы Котлова», «Коля пишет Оле, Оля пишет Коле», «Про нашу семью», «Очень страшная история»...

Большим проблемам воспитания подрастающего поколения, вечной теме «отцов и детей» посвятил А. Алексин повести «А тем временем где-то...», «Поздний ребенок», «Мой брат играет на кларнете», «Действующие лица и исполнители», «Позавчера и послезавтра», отмеченные тонким психологическим анализом надежд и стремлений юной души.

Нет, я думаю, такого взрослого человека, который не желал бы счастья молодой смене, не размышлял бы о том, как обеспечить светлое, счастливое будущее юным людям, которые очень скоро станут осуществлять наши великие планы. Доброго, верного советчика и единомышленника найдет он в книгах Анатолия Алексина. А изданы они во всех наших братских союзных республиках, в социалистических государствах Европы и Азии, переведены на английский, французский, итальянский, испанский, персидский, бенгальский и другие языки.

Почти во всех детских и во многих взрослых театрах страны с большим успехом идут пьесы А. Алексина. Недавно писатель воссоздал для сцены бессмертный роман Александра Фадеева «Молодая гвардия». Спектакль, поставленный по этой пьесе в Центральном детском театре, получил высокую оценку общественности.

Можно не сомневаться, что лауреат премии Ленинского комсомола Анатолий Алексин будет и дальше верно служить той молодой гвардии, которой строить коммунизм и жить в коммунизме!

Александр КУЛЕШОВ

У БЕРЕГОВ КАМЧАТКИ

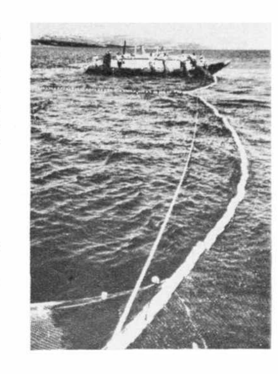
В любую погоду, днем и ночью у берегов Отчизны и в дальних океанах ведут свою нелегкую «жатву» рыбаки. Море закаляет характеры, морем проверяется стойкость и выдержка — так выковываются героические биографии, которыми богата история рыбного флота страны.

Как сейчас работают рыбаки Дальневосточного бассейна? Об этом рассказал главный инженер управления «Дальрыба» Владимир Флорианович Старжинский:

— Дальневосточники добывают треть всей рыбной продукции страны. Только в прошлом году подразделения «Дальрыбы» изготовили, например, пятьсот сорок пять миллионов банок консервов из рыбы и морских продуктов. Ассортимент изделий постоянно расширяется. В 1973 году мы освоили двадцать шесть видов новой продукции, в нынешнем дадим не менее тридцати новинок. Пятнадцать видов рыбных изделий претендуют на государственный Знак качества. Причем мы ведь не только добываем, но и разводим рыбу. В особенности лососевые породы. Каждый год из питомников переселяем в моря Тихоокеанского бассейна сотни миллионов мальков. В морях рядом с добывающим флотом работает флот науки. Ныне освоение морских и океанских ресурсов просто немыслимо без плавучих заводов. В последние годы дальневосточники получили несколько мощных рыбоперерабатывающих судов отечественного производства.

Позже я узнал, что работа «Создание плавучих рыбоконсервных заводов типа «Кораблестроитель Клопотов»...» выдвинута на соискание Государственной премии 1974 года. Среди создателей проекта и два дальневосточника — В. Ф. Старжинский и Н. П. Цветиков.

В. КУЗНЕЦОВ

БЕРДЫ МУРАДОВИЧ КЕРБАБАЕВ

Советская многонациональная литература понесла тяжелую утрату.

23 июля 1974 года на 81-м году жизни скончался выдающийся советский писатель, один из зачинателей туркменской советской литературы, член ЦК КП Туркменистана, депутат Верховного Совета Туркменской ССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий Союза ССР и Туркменской ССР, академик Академии наук ТССР Берды Мурадович Кербабаев.

Берды Мурадович Кербабаев родился в 1894 году в ауле Коуки-Зерен Тедженского района. После Великой Октябрьской социалистической революции Б. М. Кербабаев работает в советских учреждениях республики, в 1927 году поступает на учебу в Институт востоковедения в Ленинграде.

В годы строительства социализма в Туркмении раскрылся яркий литературный талант Б. М. Кербабаева. В 1930 году выходит его первая книга, рассказывающая о социальных и культурных преобразованиях в республике. Писатель создает много пьес на современную тему, историческую драму «Махтум Кули».

Лучшие произведения писателя — романы «Решающий шаг», «Небит-Даг», «Чудом рожденный», «Капля воды — крупица золота», поэма «Девичий мир» вошли в золотой фонд многонациональной советской литературы. Произведения Б. М. Кербабаева получили широкую известность как в нашей стране, так и за рубежом. Б. М. Кербабаев много сделал для перевода лучших произведений русской и советской литературы на туркменский язык.

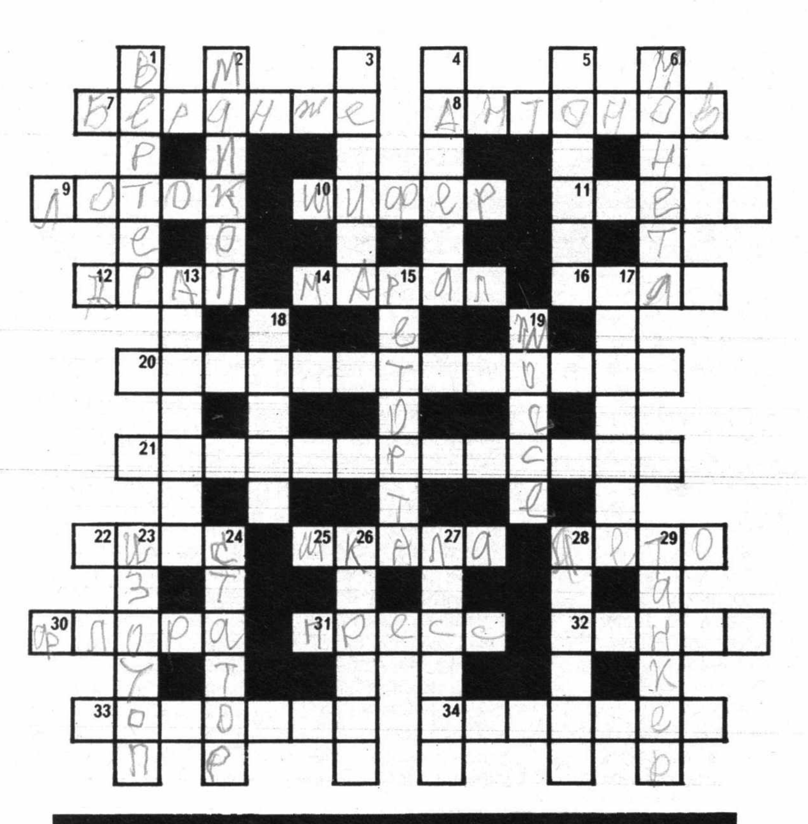
Берды Мурадович Кербабаев вел большую общественную работу. В течение многих лет он находился на посту председателя правления Союза писателей республики, являлся секретарем правления СП СССР. Б. М. Кербабаев неоднократно избирался членом Центрального Комитета Компартии Туркменистана, депутатом Верховного Совета ТССР.

Много сил отдавал Б. М. Кербабаев делу укрепления дружбы и братства между народами, борьбе за мир.

Партия и правительство высоко оценили литературную и общественную деятельность Берды Мурадовича Кербабаева, присвоив ему высокое звание Героя Социалистического Труда, наградив тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Трудового Красного Знамени и медалями Союза ССР.

Память о Берды Мурадовиче Кербабаеве, коммунисте, писателе, общественном деятеле, чутком и отзывчивом человеке, всегда будет жить в наших сердцах.

Центральный Комитет Коммунистической партии Туркменистана
Президиум Верховного Совета Туркменской ССР
Совет Министров Туркменской ССР
Союз писателей СССР
Союз писателей Туркмении

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Французский поэт. 8. Советский авиаконструктор. 9. Открытый прилавок для торговли. 10. Кровельный материал. 11. Персонаж повести А. И. Герцена «Сорока-воровка». 12. Ткань для пальто. 14. Млекопитающее семейства оленей. 16. Полудрагоценный камень. 20. Наука об ископаемых организмах. 21. Русский математик. 22. Действующее лицо комедии А. П. Чехова «Вишневый сад». 25. Циферблат с делениями в различных приборах. 28. Время года. 30. Растительный мир. 31. Машина для обработки материалов давлением. 32. Русский писатель. 33. Порядок построения войск. 34. Скоростные мотогонки на гаревой дорожке.

По вертикали: 1. Опера Ж. Массне. 2. Центр автономной области в РСФСР. 3. Сетчатка глаза. 4. Драма Бальзака. 5. Жанр камерной музыки. 6. Денежный металлический знак. 13. Озеро в Прикаспийской низменности. 15. Лабораторный сосуд. 17. Город в Польше. 18. Трагедия Ж. Расина. 19. Автомобильная дорога. 23. Разновидность атома одного и того же химического элемента. 24. Часть генератора. 26. Река в Новосибирской области. 27. Промысловая рыба. 28. Созвездие северного полушария неба. 29. Нефтеналивное судно.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали: 5. Руставели. 8. Филатов. 9. Чадобец. 11. «Пучина». 13. «Аврора». 15. Онтарио. 18. Помада. 19. Арамис. 20. Грейпфрут. 21. Секста. 23. Удокан. 27. Бастион. 28. Кеклик. 30. «Мальва». 31. Базилио. 32. Балласт. 33. Натюрморт.

По вертикали: 1. Юрмала. 2. Ассонанс. 3. Гераклит. 4. Пирога. 6. Лисичка. 7. Метрика. 10. Транспортир. 12. Умножение. 14. Речитатив. 16. Наган. 17. Шатун. 22. Стеллаж. 24. Обелиск. 25. Каллисто. 26. Поплавок. 29. Кришна. 30. Мальта.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: М. А. Шолохов. 18 июня 1974 года. Станица Вешенская.

Фото Н. Козловского.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: У берегов Камчатки.

Фото В. Кузнецова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 15/VII—1974 г. А 00601. Подписано к печ. 30/VII—1974 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1736. Тираж 2 112 000 экз. Заказ № 2499.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

С. КАЛИНИЧЕВ

Фото

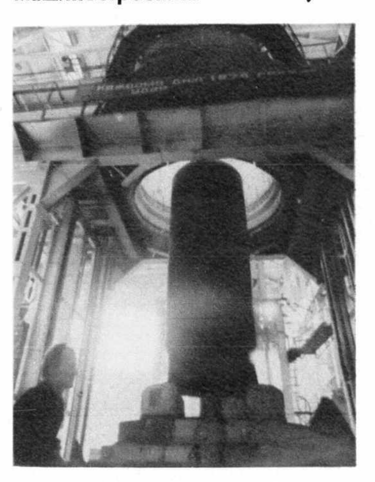
Н. КОЗЛОВСКОГО.

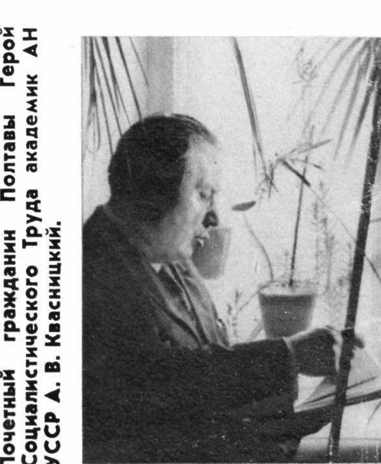
ПОЛТАВЕ—800

В цехах завода химического машиностроения.

Белая беседка.

Полтава на протяжении многих столетий оставалась форпостом русских земель, их крепостным кордоном на юге. Как сообщает летопись, Игорь Святославович в 1174 году «поеха противу половце, и переех Ворьскол у Лтавы».

800-летие Полтавы совпало с пушкинским юбилеем. Незабываемые страницы нашей истории, Отечества нашего, громы Полтавской битвы — в немеркнущих пушкинских строках:

Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.

На поле, откуда восходил к небесам тот «дым багровый», ныне высятся корпуса автоагрегатного завода.

Для горожан эти места особенно дороги: здесь все напоминает о памятной битве. Генеральному сражению, разыгравшемуся на холмистом городском предполье 27 июня 1709 года, предшествовала почти двухмесячная героическая оборона. Небольшой гарнизон крепости Полтавы, возглавляемый полковником Иваном Степановичем Келиным, отражал яростные атаки шведского войска. Хлеборобы, казаки, ремесленники плечом к плечу с солдатами гарнизона сражались у городских стен. В том генеральном сражении погибло более девяти тысяч шведов, а еще до него под стенами города Карл XII потерял убитыми свыше шести тысяч солдат.

Сейчас и у памятника полковнику Келину и у памятника генерал-лейтенанту Зыгину, войска которого освобождали Полтаву от фашистских оккупантов в 1943 году, всегда свежие цветы. Море цветов и у Вечного огня, у гранитной фигуры воина-освободителя, опирающегося на символический щит. В Полтаве каждый холм, камень хранят память о прошлом. Да, у города славная история. Но до начала XIX века Полтава выглядела как большое село. Лишь с 1802 года, когда она стала губернским городом, здесь началось строительство. Талантливый русский архитектор Михаил Амвросимов, приехавший сюда из Петербурга, отдал Полтаве двадцать три года жизни. Он спланировал новый центр в виде круглой площади, от которой лучами расходятся восемь улиц. По его инициативе и при его участии был установлен величественный монумент в честь победы русских и украинских казачьих полков над шведами. Этот монумент, покоящийся на стволах пушек, увенчанный золотым орлом, и сейчас украшает центр города. И сегодня восхищение вызывает архитектура административных зданий, построенных по проектам Амвросимова.

И тем не менее в начале двадцатого века большинство городских строений были деревянные, глинобитные, окраины утопали в грязи. «Наши тротуары на окраинах и даже на некоторых центральных улицах, как известно, деревянные и состоят из двух-трех узких досок, так что даже двум пешеходам нельзя разойтись. Часто приходится наблюдать, как прохожие, поспешая по своим делам, попадают в канавы, нередко заполненные всякими отбросами», — писал «Полтавский вестник» в апреле 1904 года.

Лишь после Октября семнадцатого Полтава стала расти все ускоряющимися темпами. Ныне трудно найти в городе такую точку, откуда не были бы видны мачты и линии электропередач, строительные краны, буровые вышки нефтяников и газоразведчиков.

Уже в послевоенные годы на Полтавщине были открыты богатые залежи нефти, газа, железной руды. Славится она сегодня не только вышивками да галушками. Добрые старые традиции прекрасно соседствуют с новым. Земля, о которой недаром говорится, что если в нее с вечера воткнуть оглоблю, то к утру тарантас вырастет, теперь в хозяйских руках. Только в прошлом году область продала государству больше миллиона тонн хлеба и около пяти миллионов тонн сахарной свеклы!

До революции, как и в первые послереволюционные годы, самым крупным предприятием Полтавы были железнодорожные мастерские. Хлопкопрядильную фабрику построили лишь в 30-е годы. А ныне Полтава гордится современнейшими заводами — автоагрегатным, газоразрядных ламп имени Комсомола Украины, «Химмашем», турбомеханическим, фарфоровым и многими другими. Почти все они построены в 60-е годы.

Лидеры технического прогресса — полтавские алмазники. В цехах завода я видел, как наследницы знаменитой Наталки-Полтавки, которая умела «шить, прясть и носить воду», сноровисто управляют сложной техникой, которая позволила сократить длительность отдельных операций.

— Мы постепенно заменяем природные алмазы синтетическими,— рассказывает директор завода Михаил Спиридонович Пивоваров.

Гордятся полтавчане своими вузами, одной из старейших в стране гравиметрической обсерваторией, театром и дворцами культуры, вышивальщицами и гончарами, спортсменами-олимпийцами, мотобольной командой «Вымпел». А знаменитые полтавские бандуристы!

Не так давно статистика сообщила, что в Полтаве родился 250-тысячный житель. И население Полтавы составляет теперь одну тысячную населения нашей великой Родины.

Валя Полищук обрабатывает алмазы.

В гравиметрической обсерватории Академии наук УССР.

Почетный гражданин Полтавы Герой Социалистического Труда академик АН УССР А. В. Квасницкий.

Спорт смелых.

Индекс 70663

Цена номера 30 коп.